

Воспоминания

Оглавление

Митрополит Николай (Ярушевич)	2
Глава 1	2
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	29
Митрополит Никодим (Ротов)	36

Митрополит Николай (Ярушевич)

Глава 1

До моего переезда из Греции в Оксфорд в конце февраля 1951 года я знал Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая главным образом по журналу "Московской Патриархии", номера которого, доходили до меня в Грецию неаккуратно и с большими пропусками. Из русских парижских газет и ещё более из писем и рассказов лиц, приехавших из Франции, я много слышал о его роли в деле воссоединения Митрополита Евлогия с Московской Патриархией и о сильном впечатлении, произведённом его личностью и церковным красноречием на русских эмигрантов во Франции. О его выступлениях в так называемой "борьбе за мир", " в защиту мира" или против атомной бомбы и т.д. я узнал несколько позже. Об этом мне стало известно в конце моего пребывания в Греции, да и то в самых общих чертах, от одного лица, приехавшего из Парижа и прислуживавшего в русской церкви в Афинах.

В общем, у меня составилось впечатление о митрополите Николае как о выдающемся церковном деятеле, ближайшем помощнике Патриарха, замечательном проповеднике и вместе с тем обаятельной личности. Прибыв в Англию, я смог систематически ознакомиться с тем, что о нём писалось в ЖМП, а также узнал о нем много подробностей от архимандрита Николая (Гиббса), православного англичанина, бывшего преподавателя английского языка у детей императора Николая II. Он последовал за ним в Тобольск и Екатеринбург и был принят в Московскую Патриархию из карловацкого раскола митрополитом Николаем во время его посещения Англии в 1945 году.

На архимандрита Николая (Гиббса) митрополит Николай произвёл самое сильное впечатление, он ценил его ум и находился под действием его привлекательной личности, хотя по свойству своего крайне подозрительного характера и как "заядлый англичанин" относился к нему с некоторой осторожностью. Его смущали "миротворческие" выступления митрополита Николая с их предельно резкими нападками на Западный мир. Я ему много возражал (и это было моё искреннее убеждение), что всем этим "мирным" выступлениям митрополита Николая не надо придавать никакого значения, так как они вынуждены, и он это делает ради блага Церкви и как бы взамен на те льготы и послабления, которые Сталин в послевоенные годы, несомненно, предоставлял Церкви. Должен признаться, что эти политические выступления митрополита Николая на страницах ЖМП я почти не читал, настолько мне они казались малоинтересными. Но я жалел о том вреде, который они приносили доброму имени Русской Православной Церкви на Западе и среди наших церковных раскольников.

Мой приезд в Англию оставался, по-видимому, неизвестен Патриархии до мая 1951 года. Хотя Московская Патриархия и лично митрополит Николай знали о тех крупных неприятностях, которые мне причинили греческие гражданские и военные власти, удалившие меня с Афона и вынудившие меня, в конце концов, покинуть Грецию.

В мае 1951 года в связи с моей иерейской хиротонией председателю Экзаршего Совета в Париже архимандриту Николаю (Еремину), будущему Экзарху, пришлось обратиться за благословением в Патриархию. Это было необходимо, чтобы совершить моё рукоположение

проживавшим в Англии сербским епископом Иринеем Далматинским ввиду отсутствия в Англии, да и во Франции, архиерея юрисдикции Московской Патриархии. Поехать мне в Брюссель к архиепископу Александру было сложно из-за виз, да и отношения с ним в Парижском Экзархате были не такие гладкие.

Митрополит Николай (в ответной телеграмме) дал благословение на моё рукоположение, но предварительно убедился, что епископ Иринеи не раскольник, хоть и живет в Англии, но остаётся епископом Сербской Патриархии. Моё рукоположение во иеродиакона и иеромонахи совершилось в церкви Святителя Николая в Оксфорде, настоятелем которой был вышеупомянутый архимандрит Николай Гиббс.

Через несколько месяцев я получаю по почте из Москвы письмо от митрополита Николая от 7 августа, в котором он приветствует меня с получением "благодати священства", молитвенно желает духовного преуспевания и помощи Божией, а далее пишет: - "Хотелось бы мне знать от Вас, дорогой во Христе о. Василий, о жизни наших русских братьев на Афоне и о положении там этого дела в наши дни. Мы думаем, что Вы располагаете данными по этим вопросам, и были бы рады Вашему письму об этом"

Далее митрополит Николай предлагал мне поделиться и моими "впечатлениями от церковно-пастырской" работы на месте моего "священнического служения".

Как видим, письмо это, неожиданное для меня и обрадовавшее меня своим вниманием, проявленным ко мне митрополитом Николаем, было чисто церковным по содержанию.

Никаких предложений принять участие в "борьбе за мир" или в других акциях подобного характера в нём не было. Желание его получить информацию от меня, старого афонского монаха, прожившего на Святой Горе 22 года, вполне понятно и делает ему честь как иерарху Русской Церкви, для которой интересы русского монашества на Афоне должны быть всегда близки.

Я ответил митрополиту Николаю письмом от 24 августа 1951 года, в котором сообщал ему о положении русского монашества на Афоне и излагал мои соображения, как ему помочь. Они сводились к тому, что нужно добиваться только одного, единственно существенного в данное время - допущения русских монахов на Афон, иначе русское монашество там вымрет. В заключение я писал, что многое можно было бы ещё сказать, но в письме это трудно, легче при личной встрече. Я не имел здесь в виду какие-нибудь тайные сведения или секреты, но что всю сложность обстановки на Афоне легче объяснить при личной встрече. Не знаю, как понял митрополит Николай мои слова, но они имели довольно неожиданные последствия.

Точно хронологическая последовательность мне не запомнилась, но насколько я помню, в октябре-ноябре 1951 года я получил из Лондона от знакомого мне грека иеродиакона Иеронима Киккотиса письмо. В нём он писал, что знакомый ему англиканский пастор, очень хочет меня видеть, и просил меня написать ему, когда я смогу приехать в Лондон для встречи с этим англиканским пастором. Было странно, что имени он его в письме не сообщал...

Должен сказать, что в своё время, этого Киккотиса мне рекомендовал в Афинах митрополит Георгий Папагеоргиадис (бывший Неврокопский) мы его называли "ходячее Православие". Он был человеком строго православных и независимых взглядов, но отнюдь не левых убеждений. Помню, как он мне сказал: - "Советую познакомиться Вам в Лондоне с о.

Киккотисом, он Вам может быть полезным. Ему принадлежит в Лондоне книжный магазин "Зенон", там Вы сможете найти много интересных греческих и других книг. Должен, однако, Вас предупредить, что Киккотиса обвиняют в коммунизме. Это совершенно не справедливо. Его брат действительно коммунист, а сам он просто кипрский патриот и выступал против англичан за независимость Кипра. Это не понравилось англичанам, и греческая церковь в Лондоне обвинила его в сочувствии к коммунизму... его исключили из клира. Но поверьте, он хороший человек и христианин".

Потом в Лондоне я несколько раз встречался с Киккотисом, покупал у него книги, приобрёл греческую пишущую машинку, и мы с ним беседовали на разные темы.

Как бы то ни было, но когда я получил письмо от самого Киккотиса, я подумал, что речь идёт о какой-нибудь экуменической встрече, и ничего другого мне не приходило в голову. Я ответил ему, что приеду из Оксфорда в Лондон и встречу с англиканским пастором.

В назначенное время, после часа пополудни, я пришёл в магазин Киккотиса. Он был один.

- "А где же англиканский пастор?" - спросил я его. "Он ждёт нас в ресторане недалеко отсюда, где мы вместе будем завтракать. С ним будет ещё один его друг, не знаю кто, вероятно, тоже пастор".

- "Скажите, как же зовут того, кто хочет меня видеть?" - спросил я. И Каккотис назвал имя англиканского пастора Стэнли Эванса. В то время оно мне ничего не говорило, но впоследствии, я узнал, что Эванс был довольно известный английский "красный священник", нечто вроде маленького кентерберийского настоятеля Джонсона, известный своими попытками сочетать коммунизм с христианством, равно как и своими выступлениями в защиту советской власти.

Мы пришли в маленький, но хороший ресторан. В это время (около двух часов дня) он был почти пустой. Один-два человека в первой комнате и никого кроме нас в другой, вернее в ней был только Эванс и его спутник. Я познакомился сначала с Эвансом. Он произвёл на меня впечатление недалёкого и даже наивного, но вероятно неплохого человека. На вид даже скромный и застенчивый.

- "Очень рад с Вами познакомиться, - сказал он мне, - Вы изучаете святых отцов; я ими тоже занимался, в них много интересного, особенно в доникейских".

- "А почему только в доникейских?" - заметил я. В это время подошёл спутник Эванса и сказал мне по-русски: "Здравствуйте! Очень рад с Вами встретиться!"

- "Вы говорите по-русски?" - удивился я.

- "Как же. И даже сам русский, и даже служу в советском посольстве".

Я был поражён! Первая моя мысль была немедленно уйти. Выразить своё неудовольствие Киккотису за то, что он меня не предупредил, с кем мне придётся встретиться. Ведь я ожидал, что будет встреча с англиканскими пасторами, а тут служащий посольства. Я служитель Церкви и не хочу иметь дела ни с какими посольствами, особенно с советским. По опыту знаю, когда в Греции чисто по Афонским, церковным делам, мне пришлось бывать в советском посольстве, как это было опасно не только в личном плане, но и в церковном. Ибо

даёт повод врагам нашей Церкви нападать на нас под предлогом борьбы с коммунизмом и вредить нам. Поэтому я твёрдо решил для себя в будущем никогда не иметь дела с советскими посольствами, кроме как посещения для получения визы. В какую неприятную историю я опять вопреки своей воле попал, подумал я. Лучше всего сразу уйти! Но я этого не сделал, отчасти не желая учинять скандал, могущий повредить нашей Церкви, отчасти из желания прежде выяснить, в чём же тут дело.

- "Вы из посольства? переспросил я его. - Так что же Вам нужно здесь?"

- "Я секретарь посольства, моё имя..." Тут он назвал свою фамилию, но к моему огорчению, время изгладило её из моей памяти. - "У меня к Вам поручение от митрополита Николая Крутицкого. Вы его, наверное, знаете или слышали о нём?"

После таких слов волею или не волею пришлось остаться, узнать, в чём дело. Мы сели завтракать вчетвером. Советский секретарь, плохо говоривший по-английски, стал при помощи Эванса заказывать завтрак. При этом он громко жаловался, что английская кухня никуда не годиться, то ли дело русская, но он, к сожалению, всё это должен терпеть. Вообще он производил впечатление очень самоуверенного и наглого типа, малокультурного и невежественного. Рассказывал, что учился в университете и даже зачислен в аспирантуру. В дальнейшем наш разговор с ним во время завтрака вёлся на русском языке. Киккотис и Эванс, не понимавшие по-русски, всё время молчали. Вначале было несколько вопросов общего характера, - *Какое впечатление производят на Западе выступления Русской Церкви в пользу мира? В частности воззвание трёх Патриархов - Московского, Грузинского и Армянского, оно произвело сильное впечатление?"*

На что я ответил: "Никакого впечатления! Ими здесь никто не интересуется". После этого посольский секретарь приступил к делу.

- "Митрополит Николай очень интересуется положением русских монахов на Афоне и просит Вас подробно ему об этом написать. Вы это можете сделать через меня".

- "Я ему уже обо всём этом написал по почте" - ответил я.

- "Да, но почте нельзя всего написать. Может быть, Вы ещё что-нибудь напишите дополнительно. А мы бы переслали митрополиту Николаю"

- "Благодарю Вас, но мне нечего сейчас писать. А если бы в будущем и оказалось, я бы предпочёл писать по почте. Ничего секретного в моих сведениях нет. А писать через посольство - нелегально не желательно, это может создать мне неприятности со стороны англичан. У меня в этом есть опыт по Греции, я не хочу его повторять. Да и необходимости в этом нет сейчас никакой".

- "Сейчас, может быть, и нет (настаивал секретарь), - а завтра будет. В письме всего не напишешь, и митрополит Николай ждёт от Вас сообщений. А беспокоиться Вам нечего. Вот как мы условимся. Через месяц-два, когда у Вас наберутся новые сведения, Вы сообщите об этом Вашему другу (Киккотису), ведь Вы ему доверяете, а он сообщит Эвансу, тот мне, и мы опять встретимся все четверо, здесь или где-нибудь в другом месте".

Я продолжал настаивать на своём, что абсолютно не предвижу такого случая, и что вообще считаю необходимым писать только по почте.

- "Нет. Вы подумайте об этом ещё и сообщите через Вашего друга. Я буду ждать".

На этом разговор окончился. Секретарь потребовал счёт, демонстративно заплатил за всех, показывая свой бумажник набитый английскими фунтами!

Моё решение было твёрдым, я решил оставить без последствий домогательства посольского секретаря и избегать всяких дальнейших встреч с ним. Я также решил, что во избежание излишних разговоров никому не рассказывать о происшедшем, кроме как Архимандриту Николаю (Гиббсу) настоятелю оксфордской церкви, где я служил и в доме которого в Оксфорде я жил. Я счёл не правильным скрывать от него мою "невольную" встречу с советским посольским секретарём, тем более что он, как англичанин с большими связями в различных кругах и, вероятно даже в полиции, мог бы быть мне полезным в случае будущих неприятностей. Я немедленно отправился к нему, по счастливой случайности он был в это время в Лондоне и подробно рассказал ему о происшедшей встрече. Твердо объяснил моё решение никаких встреч и дел, на будущее, с секретарём посольства не иметь. О. Николай внимательно выслушал меня, одобрил мои действия, мой отказ о встречах и обещал никому ничего не рассказывать.

Тем не менее через некоторое время я косвенно узнал (через С.Н. Большакова, общего моего знакомого с о. Николаем), что о моей встрече с посольским секретарём в ресторане, о его предложении пересылать письма и о моём отказе стало известно в английских органах безопасности. Будто бы об этом запрашивала о. Гиббса английская тайная полиция. Все это рассказал Большакову сам о. Гиббс, вопреки данному мне обещанию молчать.

Как могла об этом узнать английская полиция? В зале ресторана, где происходил завтрак, никого из посторонних не было. Эванс и о. Иероним Киккотис вряд ли донесли (хотя?) - не вяжется это как-то с их "типом", да к тому же они не понимают по-русски. В соседней комнате, по крайней мере, в начале, кто-то был, но слышать оттуда без специальных аппаратов было невозможно. Может быть, за секретарём следили (этого исключить по тем временам было нельзя), заметили его встречу со мной, а затем обратились за справками к о. Гиббсу и он уже сам рассказал то, что узнал от меня. Думаю, что это наиболее вероятно. В таком случае я правильно сделал, что ничего не скрыл от о. Николая Гиббса.

Что касается меня, то происшедший случай вызвал во мне много мыслей и чувств. Я был недоволен и обеспокоен. Вопреки моему желанию меня влекут на путь, по которому я не желаю идти, отвлекают от моей церковной и богословской научной работы. Но вместе с тем я был поражён, какими связями обладает митрополит Николай в советском правительственном аппарате, и как охотно органы советского посольства исполняют его просьбы. Может быть, нельзя было обвинять митрополита Николая в том, что он хотел получить сведения о русском монашестве на Афоне, это даже его церковный долг, и никаких сведений, кроме чисто церковных, он от меня не требовал. Но всё же на меня произвела неприятное впечатление, та бесцеремонность, с какою он вовлекал меня в общение с советскими посольскими службами. Не справившись предварительно со мной, согласен ли я на такие действия, и не подвергает ли он тем самым меня опасности и риску в пересылке писем через сомнительные службы.

Впрочем, митрополит Николай, по-видимому, не отдавал себе отчёта во многих тонкостях и нюансах, и происходило это от недостаточного знания западной обстановки. Он

не понимал, какой вред для патриаршей Церкви приносит общение с советскими посольствами.

Некоторое время спустя мне пришлось встретиться в Лондоне с о. Киккотисом в его книжном магазине. Он сам, прежде чем я заговорил с ним, начал просить у меня извинения: "Очень прошу простить меня, что я, сам, не желая того, стал причиной встречи Вашей с лицом, для Вас, может быть, нежелательным. Я сам не знал об этом, а то я предупредил бы Вас заранее. Но Эванс ничего мне не сказал, только в последний момент я узнал, что за завтраком будет ещё один человек. Я был уверен, что это тоже окажется английский пастор". "Да - ответил я, - одно дело встречаться с английскими пасторами, другое - со служащими советского посольства. С ними я не считаю возможным и нужным видаться".

По прошествии нескольких месяцев я получаю от Эванса письмо от 6 февраля 1952 года. Он был, очевидно, обеспокоен отсутствием каких-либо известий от меня со времени "ресторанного" свидания. В этом письме он спрашивал, не могу ли я приехать в Лондон и пишет что: *"...наш коллега (то есть посольский секретарь) очень желает повторить последний завтрак в менее поспешном темпе"*.

Что сам он (Эванс) был бы рад поговорить со мной и в заключение он просит меня указать дату моего возможного приезда в Лондон. На это письмо я ничего не ответил, и на этом наши отношения с Эвансом прекратились, дальнейших попыток встретиться со мною он не предпринимал. Гораздо позднее мне пришлось ещё раз с ним столкнуться на банкете в советском посольстве в Лондоне. В июле 1955 года. Этот банкет был устроен в честь приехавшей из СССР церковной делегации во главе с митрополитом Минским и белорусским Питиримом (Свиридовым) и именно поэтому я не счел возможным отклонить приглашение посольства. Это был единственный раз за всё время моего восьмилетнего пребывания в Англии, что я переступал его порог. Впрочем, надо отдать справедливость, что на этом банкете собралась самая почтенная компания. Здесь присутствовали: архиепископ Кентерберийский, экзарх Вселенского патриарха Афинагор и прочие лица. Уже к концу приёма митрополит Питирим, с которым я в это время сидел рядом на диване, указал мне на сидящего у стены человека с осоловелыми глазами и сказал мне: "Вот сегодня наш Эванс, видно, сильно подвыпил". Я всмотрелся в лицо человека и с удивлением узнал в нём моего старого знакомого, пастора Стэнли Эванса. Бедняжка! Гостеприимные "товарищи", видимо, переусердствовали и напоили неопытного Эванса почти до потери сознания. Это был последний раз, когда я его наблюдал. Несколько лет спустя, я прочитал в газетах, что Эванс погиб в автомобильной катастрофе.

Не знаю, стало ли митрополиту Николаю известно о моей встрече с посольским секретарём, но к Рождеству, я получил его письмо от 12 января 1952 года, в котором он благодарит меня за моё письмо от 24 августа 1951 года, и пишет: "...оно несколько осветило печальное положение наших иноков на Святой горе Афон, а также церковную обстановку в Англии. Мы будем рады, если и в дальнейшем Вы будете делиться с нами радостями и горестями Вашей жизни". Из выражения "несколько осветило" можно заключить, что митрополит Николай не был вполне удовлетворён моим письмом и ждал от меня больших подробностей (вероятно через того же секретаря).

Позднее, в таком же духе, было и письмо из Москвы (от 24 февраля 1953 года) от протоиерея Владимира Елховского, лично мне тогда неизвестного. Он благодарил меня от имени митрополита Николая за информацию о положении русского монашества на Афоне и прибавляет, что митрополит Николай "горячо благодарит меня за любезное сообщение о нашем афонском монашестве и ожидает моих дальнейших сообщений". Он писал так же, "... что митрополит озабочен и судьбой Оксфордского прихода и весьма заинтересовался моими трудами по изданию творений преподобного Симеона Нового Богослова".

Всё это, конечно, свидетельствовало о живом интересе митрополита Николая к церковной жизни за границей и к афонскому монашеству в частности. Спрашивается только, почему митрополит Николай написал это не непосредственно ко мне, а через протоиерея Елховского? Может быть, потому что полагал, что мне будет легче переписываться с ним как с менее заметным и политически не окрашенным лицом в определённый цвет, каким был в глазах западного мира митрополит Николай.

Глава 2

Таковы были в общих чертах мои отношения с митрополитом Николаем за период между 1951 и 1956 годами моей жизни в Оксфорде. Лично с ним встретиться и познакомиться мне пришлось только летом 1956 года, во время моей поездки в СССР, где я побывал впервые после 36-летнего перерыва. Группа паломников Западно-Европейского Экзархата, в состав которой входили архимандрит Дионисий Шамбо, В.Н. Лосский, Д.Д. Оболенский и Оливье Клеман, была приглашена Московской Патриархией посетить Советский Союз. В эту группу был включён и я. Мы пробыли в России от 9 до 16 августа, посетили Москву, Троице-Сергиеву Лавру, Владимир, Ленинград и Киев.

Это был, пожалуй, самый лучший, но короткий, период (может быть год) в жизни Русской Православной Церкви после революции, когда ослабел террор, возвращались лагерники, шла десталинизация, но Хрущёв ещё не захватил полноты власти и не было признаков нового нажима на Церковь, который выявился с новой силой в конце 50-х годов. Настроения в церковных кругах было оптимистическое и бодрое, говорили об открытии новых храмов, семинарий и т.д.

Патриарха мы в этот приезд не видели, он отдыхал в Одессе, но с митрополитом Николаем встречались и беседовали несколько раз. Он принял нас мило и ласково вскоре после нашего приезда в помещении Патриархии в Чистом переулке. Беседовал сначала со всеми вместе, а потом с каждым членом группы в отдельности. Живо интересовался церковной жизнью на Западе. Его пастырское сердце, видимо, было уязвлено печальным случаем с молодым иеромонахом англичанином Серафимом Робертсом, очень одарённым и подававшим большие надежды, но потом всё бросившим и женившимся. Митрополит Николай расспрашивал, как это могло случиться. Ещё более огорчало его дело протоиерея Евграфа Ковалевского, которого он высоко ценил, и которому симпатизировал. "Нет ли надежды на его возвращения в нашу Церковь?" - спрашивал он.

В частной беседе со мною мы много говорили об Афоне, и мне отраднее было встретить у митрополита Николая редкое у современных русских иерархов знание и понимание

афонских дел. На его вопрос, чем конкретно мы можем сейчас помочь русскому монашеству, я ответил: "Добиться от греческого правительства разрешения на приезд из России десяти человек с целью стать монахами в Пантелеймоновском монастыре. Больше десяти для начала не надо просить, это может испугать греческие монастыри и гражданские власти, что менее всего желательно. Группе совсем маленькой, будет труднее ужиться, да они и не смогут обновить пришедшую в упадок монастырскую жизнь. Нам будет трудно отказать, так как наше требование допущения монахов из России освящено многовековой традицией, международными договорами, и греческому правительству будет не легко принять отрицательное решение, хотя оно, и будет пытаться это делать. Важно только действовать в рамках законов и через Вселенскую Патриархию".

Далее я развил свои мысли митрополиту Николаю и сказал, что: "Что было бы ошибкой возбуждать вопросы о пересмотре афонского Положения, имеющего силу закона, хотя он и во многом несправедлив. В это входит, что пришлось бы оспаривать юрисдикцию Константинопольской Патриархии, греческое подданство русских монахов и многое другое. Этими действиями мы только бы вооружили против себя как греческих афонских монахов, так и вообще общественное мнение, и в результате всё бы провалилось. Во всяком случае, греческое правительство нашло бы в наших притязаниях предлог для отказа допустить приезд монахов из России. Важно на сегодня одно: добиться приезда первой группы русских монахов, а иначе на Афоне русское монашество погибнет, после чего Пантелеймоновский монастырь перейдёт к грекам, после чего вернуть его назад будет не возможно".

Митрополит Николай вполне согласился со мною и подчеркнул, что оспаривать существующее Афонское законодательство, тем более юрисдикцию Вселенской Патриархии над русскими обителями на Афоне не следует: "Раз в старое время они были в ведении Вселенской Патриархии, то, как же мы можем требовать, чтобы теперь было иначе. Всё, к чему мы стремимся, это допущение русских монахов на Афон и это наша основная задача".

Я был рад такому пониманию и тонкое вникание в афонскую обстановку митрополитом Николаем было "редкостью". Ибо в предыдущем 1955 году, мне пришлось беседовать на ту же афонскую тему с находившимся тогда в Лондоне митрополитом Питиримом (см. выше). Я ему сказал приблизительно то же самое, но реакция его была совсем другая. Митрополит Питирим тогда резко прервал меня, ударил рукой по столу и с раздражением сказал: "Нет, это не так. Афонский вопрос обсуждался у нас в Синоде, и было постановлено требовать подчинения афонских русских обителей нашей юрисдикции!" "Но ведь это не возможно",- возразил я тогда.

"Мы так постановили", - настаивал митрополит Питирим.

Видя, что с ним совершенно бесполезно спорить, я прекратил разговор, огорчённый мыслью, что наши иерархи по собственному незнанию дипломатии в этом вопросе и упрямству провалят дело русского монашества на Афоне.

Тем более сейчас мне было радостно удостовериться в широте взглядов и глубокому пониманию этой деликатной темы у митрополита Николая. Он был готов выслушивать мнения лиц, которые в силу собственного опыта знали обстановку на месте.

Мы встретились с митрополитом Николаем ещё раз, и он наградил меня крестом с украшениями. Такой крест носят обычно архимандриты, хотя у меня ещё не было даже обыкновенного золотого креста. "Это Вам от Святейшего Патриарха, я говорил с ним по телефону, он в Одессе. И не говорите, что это Вам не по сану (я был тогда иеромонахом), патриарх благословляет Вас, его носить". Любопытно, что когда через несколько дней мы посетили в Киеве в Покровском монастыре сестру Патриарха, матушку Ефросинию, она сделала мне замечание, что я ношу крест не по сану. Я объяснил ей, что это подарок и благословение самого Святейшего Патриарха, чему она была крайне удивлена.

Мы виделись с митрополитом Николаем ещё раз накануне отъезда на банкете в гостинице "Советская" (бывший "Яр"). Банкет устраивался в нашу честь. Уже наступил Успенский пост, к тому же была пятница. И угощение было строго постное, даже без рыбы, но очень обильное, разнообразное и изысканное. Митрополит Николай был милым, гостеприимным и заботливым хозяином. В своей речи он приветствовал каждого из нас, равно как и всю делегацию в целом как представительницу Западно-Европейского экзархата. Выступление его было строго церковным, никакой политики или даже намёка на "борьбу за мир". Меня он называл "наш милый афонец".

После столь долгого моего отсутствия в России, при первом посещении уже СССР, мне трудно было сразу наладить близкие отношения с лицами, которые говорили бы с вами откровенно, и вместе с тем были бы церковно осведомлены. Тем не менее и сейчас, по прошествии многих лет и в свете опыта дальнейших поездок, я продолжаю думать, что наши тогдашние впечатления были в общем верными: Церковь вела тогда относительно спокойную и сравнительно благополучную жизнь.

Скажу в заключение, что за всё наше пребывание в России в 1956 году мне не пришлось говорить с митрополитом Николаем о положении самой Церкви в СССР, сам он этого вопроса не касался, а я не спрашивал, и вообще наши встречи и беседы носили хотя и сердечный, но несколько поверхностный характер (кроме бесед об Афоне). То же самое могу сказать и о большинстве наших встреч и контактов во время поездки.

По возвращении моём в Англию моя переписка с митрополитом Николаем продолжилась и несколько даже участилась. Он отвечал на мои поздравления к пасхе и к рождеству, иногда даже довольно длинными и сердечно написанными письмами, интересовался афонскими делами и выражал мне признательность "за внимание и заботу, которые Вы уделяете вопросу о пополнении монастыря Великомученика Пантелеймона на Афоне русскими монахами" (письмо от 12 января 1957 года).

Я получил также от него письмо с благодарностью моего описания поездки в августе-сентябре 1957 года в Грецию и Константинополь. В этом письме я рассказывал митрополиту Николаю мой разговор с Вселенским Патриархом Афинагором о Финляндской Церкви. (Этот разговор был начат по его инициативе, так как моя поездка на Ближний Восток носила чисто учебно-богословский характер по изучению рукописей преподобного Симеона Нового Богослова, а, следовательно, я избегал какой-либо церковной инициативы, так как не был

уполномочен на это Русской Церковью). Так вот, митрополит Николай от 31 декабря 1957 года отвечал: "Мне приятно, что Вселенский Патриарх Афинагор, удовлетворён разрешением вопроса о Финляндской Православной Церкви. Мы намерены и впредь проводить такую же линию при разрешении подобных вопросов, ожидаем, что и по отношению к нам будет проявлено благорасположение, в частности, разрешён вопрос, по которому до сих пор не имеем от Константинополя ответа. Мы примем во внимание Ваши советы, вызванные заботой о благе нашей Святой Церкви".

Наша переписка с митрополитом Николаем была интересной и разносторонней. Живой и благожелательный интерес он проявлял и к моей работе по изданию творений преподобного Симеона Нового Богослова. Дело в том, что в Москве в Историческом музее находится одна из наиболее ценных рукописей "Огласительных слов" преподобного Симеона Нового Богослова. А без нее критическое издание греческого текста было не мыслимо. Я много лет (1952-1956) всеми способами пытался получить микрофильмы или фотокопию этой рукописи, но все попытки, в том числе и через британское посольство в Москве, оставались тщетными. Исторический музей или не отвечал на мои письма или сообщал, что рукопись находится в таком состоянии, что фотографировать её технически невозможно. Впоследствии я убедился, что это была не правда, а чистый предлог и отговорки. Во время пребывания моего в Москве в августе 1956 года я лично посетил рукописный отдел Исторического музея, убедился, что рукопись находится во вполне удовлетворительном состоянии и что отмалчивания или отказы дирекции Исторического музея объясняются фактом, что в нём нет установки для микрофильмирования рукописей, в чём музей стеснялся признаться. Единственная возможность была фотографирование обычным аппаратом, он в музее имелся, но ввиду объёма самой рукописи (около 200 листов) это обошлось бы очень дорого.

Я обратился к митрополиту Николаю с просьбой помочь мне в получении фотокопий, и он обещал мне в содействии. И вправду, через восемь месяцев в марте 1957 года, я получил в Оксфорде прекрасные фотоснимки нужной мне рукописи, за что глубоко благодарен митрополиту Николаю. Он сделал возможным окончание моей работы.

Интересно, что впоследствии один из критиков и недоброжелателей митрополита Николая, говорил мне, когда я ему рассказывал о замечательной помощи в деле получения фотоснимков рукописи: "Вы думаете, митрополит Николай помог Вам? Ошибаетесь, он всегда только обещает и потом ничего не делает. Ваше дело так и тянулось бы без конца, если бы не один из молодых сотрудников Патриархии, питомец Московской Духовной академии, из простого желания Вам помочь не взялся по своей инициативе за дело. Он сам бегал в Исторический музей, хлопотал и в результате всё устроил". Мне показалось такое суждение просто не серьёзным и несправедливым. Вполне допускаю, что митрополит Николай поручил практическую сторону дела молодому человеку (что логично), нельзя же требовать от митрополита, чтобы он сам бегал в музей и делал фотокопии. Но была и другая сторона дела, а именно финансовая, в разрешении которой я ещё более обязан митрополиту Николаю. За исполнение фотокопий мне назвали фантастическую сумму в 20 000 тогдашних рублей (около 2000 долларов), которыми я не обладал. И необходимо было особое постановление Священного Синода для её ассигнования. Митрополит Николай сделал все возможное, и такая сумма была выделена.

Пришлось мне иметь дело с митрополитом Николаем и в вопросе посылки на богословские и ученые конгрессы русских богословов из Духовной Академии, бывшей России. Главным образом на съезды патрологов в Оксфорде, которые проходили в 1955 и 1959 годы и на съезд византологов в Мюнхене в 1958 году. Помню, как я неоднократно писал митрополиту Николаю, какое значение имело бы для богословов общение с представителями западной науки и как это повысило бы уважение к Русской Церкви на Западе. Со своей стороны я обращался с просьбой к организаторам съезда патрологов доктору Кроссу, к епископу Михаилу (Чубу) и к проф. Н.Д. Успенскому о приглашении Московской и Ленинградской академий коллективно, но и отдельным богословам в частности. Большого успеха я не добился. В результате на съезд патрологов в 1955 году были присланы от Ленинградской Духовной Академии профессора Л.Н. Парийский и Зборовский, которые не знали ни одного иностранного языка. В результате чего они не могли активно участвовать в работе съезда. Более того, к сожалению, не приехал епископ Михаил (Чуб), теперешний епископ Воронежский и Липецкий, хорошо знающий европейские языки и много работавший над творениями Мефодия Олимпского. Он был наиболее подходящий для участия в съезде, желавший приехать и персонально приглашённый... но на съезд он не прибыл. Почему? Это меня огорчало и приводило в недоумение: как митрополит Николай со своим умом и пониманием дел не сознает, что участие епископа Михаила в съезде патрологов справедливо и полезно для Церкви! Возможно, что на приезд делегации в таком составе повлияли другие факторы, не зависящие от митрополита Николая. Об этом я мог только домысливать позже.

Дело в том, что ещё за два месяца до съезда на одном из приёмов, устроенных в честь прибывшей в Англию делегации во главе с митрополитом Питиримом, я встретился случайно с одним человеком. Это был некто Тихвинский, советник советского посольства в Лондоне. Приём, на который я был приглашен, устраивался англиканцами и происходил не в здании советского посольства. Узнав, что я русский он сам подошёл ко мне и завел разговор. Это был довольно развязный господин, совершенно невежественный во всём, что касается Церкви и религии. (Более того, впоследствии, я прочитал в газетах, что он был выслан из Америки и его перевели на "работу" в Лондон за действия не совместимые со званием дипломата.) В разговоре со мной он задал мне вопрос, какое впечатление производит на англичан прибывшая церковная делегация. Я, конечно, дал о ней самый лучший отзыв и, воспользовавшись, случаем, стал рассказывать о предстоящем съезде патрологов. Говорил ему о важности присутствия представителей наших Духовных Академий и как это подымет престиж Русской Церкви в Англии, и тем самым... "Советского Союза". Последнее, я сказал специально для "красного словца" понимая с кем, имею дело, чтобы заинтересовать Тихвинского. Мне долго пришлось ему толковать, что такое патрология и прочие тонкости, которые он с трудом понимал. Потом он вдруг спросил: - "А какое всё это имеет отношение к новому догмату об обожествлении девы Марии?" (видимо он имел в виду римско-католический догмат об Успении, недавно провозглашённый Папой).

- "Никакого, - ответил я. - То римско-католический догмат, а это учёный съезд богословов разных вероисповеданий". Тихвинский после этого явно успокоился. Дело в том, что отношения советской власти к Ватикану в то время было крайне враждебным.

- "А Вы считаете, что наши богословы окажутся на том же уровне, как и западные?"

Тут я немножко "покривил душой" и ответил, что в общем, да (хотя, честно говоря, был далеко не уверен).

- "А от кого зависит присылка богословов? - спросил советник Тихвинский.

- "От Московской Патриархии, конечно. Но если бы советское посольство в Лондоне написало бы в Москву, что подобный приезд и участие в съезде желательно, то, безусловно, дело было бы сильно облегчено".

- "Хорошо, - сказал Тихвинский. - Постараемся это устроить".

Повлияло ли это на ход событий и состав приглашённых, решительно утверждать трудно; вероятно в известной степени, да. Жаль только, что отсутствовал епископ Михаил (Чуб). Поэтому, когда я встретился с ним в 1958 году в Лондоне, где он совместно с тем же митрополитом Питиримом представлял Русскую Церковь на Ламбертской конференции, я спросил его, почему он не приехал на съезд патрологов и сказал ему как я был огорчён. Разговор наш происходил наедине в комнате гостиницы "Сен-Джеймс", где он остановился.

- "Меня не пустил митрополит Николай",- сказал он.

- "Почему" - удивился я.

Епископ Михаил пугливо (вероятно по привычке), оглянулся по сторонам, отодвинул свой стул в центр комнаты, как бы опасаясь скрытых в стенах микрофонов, и начал мне говорить вполголоса:

- "Прошу только, никому не рассказывайте то, что я Вам скажу. Митрополит Николай при всех своих несомненных достоинствах и талантах имеет одну ахиллесову пяту, которая всё портит. Это его чрезмерное тщеславие! Желание быть всегда не только первым, но единственным. Посмотрите в ЖМП, там печатаются только его проповеди, они талантливые, но разве нет в Русской Церкви других хороших проповедников? Так и на всех съездах и конференциях. Он хочет всюду фигурировать один! А так как он всё же сознаёт, что для съезда патрологов его личная кандидатура не подходит, то предпочитает, чтобы никого не было, а меня особенно. Он меня буквально не пустил!"

Я был поражён. Конечно, архиепископ Михаил - человек довольно субъективный и несдержанный на язык, но правдивый и благородный. Характеристику его я не мог вполне отвергнуть, самое большее он преувеличивал. Впрочем, и он признавал за митрополитом Николаем большие достоинства.

Любопытно, что много лет спустя я прочитал в №4 журнала "Наука и религия" за 1969 год воспоминания известного ренегата, бывшего священника Осипова, под названием "Мои архиереи", - воспоминания эти написаны были без любви и в безбожном духе. Были соблюдены некоторые приличия и минимальная объективность. И когда он в своих писаниях вспоминает митрополита Николая, то отмечает в нём ту же черту чрезмерного тщеславия и почти буквально повторяет, а этом отношении мнение архиепископа Михаила (Чуба).

Довольно неожиданно в начале февраля 1957 года я получил письмо от нашего Экзарха, архиепископа Николая (Ерёмина). Он мне сообщал, что "По представлению Высокопреосвященного митрополита Николая, в воздаяние за Ваше учёно-богословские труды, резолюцией Его Святейшего Патриарха Алексия от 25 января 1957 года Вы награждаетесь саном архимандрита".

Это было "довольно неожиданно" для меня! Так как в награждении меня архимандричьим крестом за полгода до этого в Москве уже, можно было, усмотреть намёк на желание Патриархии возвести меня в сан архимандрита. Но всё же это было неожиданностью для меня. Я об этом не думал, а главное, принято было сначала возводить в сан игумена, а потом только в архимандриты. (Патриархия же сразу возводила меня в более высокий сан, минуя промежуточный "этап".) И далее, в моём случае инициатива принадлежала всецело митрополиту Николаю, хотя право награждать саном архимандрита в нашем Экзархате принадлежала в то время только самому Патриарху, было бы более обычно, чтобы представление об этом исходило от Экзарха. Но Экзарх до получения указа Патриарха не был даже осведомлён об этом неожиданном шаге митрополита Николая.

Иначе обстояло дело с моей епископской хиротонией. Инициатива здесь принадлежала нашему Экзарху, архиепископу Николаю (Ерёмину). Он после разговора со мною в конце 1957 года обратился в Патриархию с просьбой о назначении меня своим викарным епископом во Франции. Какая в точности была позиция митрополита Николая в этом вопросе, мне не известно. Быть может даже, что Экзарх с ним предварительно советовался, хотя вряд ли. Можно думать, что митрополит Николай поддержал ходатайство Экзарха после того, как в апреле 1958 года Францию посетила негласная ревизионная комиссия от Патриархии. Официально она называлась "группа паломников", в её составе были протоирей Статов и А.С. Бувеский (секретарь митрополита Николая и его помощник по Отделу внешних церковных сношений). С этой "комиссией" я встречался в Париже в один из моих приездов из Оксфорда.

Как бы то ни было, 26 мая 1958 года последовал указ о назначении меня вторым викарием Экзарха в Западной Европе, с пребыванием во Франции (первым был епископ Антоний (Блум), теперешний Экзарх).

В своём препроводительном письме (от 10 июля 1958 года), пересылая мне указ, митрополит Николай поздравлял меня с "призванием на великое архипастырское служение". Хиротония моя состоялась в Лондоне 14 июля 1959 года с некоторым запозданием из-за необходимости уладить трудности с получением французской визы.

Эти трудности огорчали митрополита Николая. Его искренне заботила мысль о моём "местопребывании, где удобно было бы Вам совмещать архипастырскую деятельность с научными занятиями", так он писал мне в письме от 9 марта 1959 года.

Выход был найден и в ноябре 1959 года я переехал на жительство в Париж.

Теперь, хочу рассказать, как происходило моё назначение епископом Брюссельским и Бельгийским. Инициатива этого назначения, после кончины митрополита Александра (Немеловского) в Брюсселе 11 апреля 1960 года, в сильной степени принадлежала нашему Экзарху - архиепископу Николаю. Но она даже вызвала некоторое противление со стороны

митрополита Николая, который желал назначить на брюссельскую кафедру своего старого знакомого, (он ему покровительствовал) венского архимандрита Арсения (Шиловского). Экзарх, ездивший в Брюссель на похороны митрополита Александра и ещё вторично для ознакомления с положением и настроениями тамошней паствы, сознавал, что всякое промедление с нахождением и назначением заместителя почившего митрополита Александра (Немеловского) может иметь опасные последствия. Это было связано с многочисленными посягательствами раскольников на наш брюссельский храм Святителя Николая.

Экзарх знал также, что верующие просили, его о назначении к ним именно меня, и в связи с этим был очень обеспокоен, что Патриархия медлила с решением и ничего не отвечала на его ходатайство. И когда А.С. Бувевский позвонил к нему по какому-то делу, он начал спрашивать его, почему замедляется моё назначение, говорил и объяснял как это опасно для церковного положения в Бельгии.

Бувевский вдруг ответил: "Да, конечно, владыка Василий вполне достойный и подходящий кандидат, но знаете, что имеются и другие кандидаты на брюссельскую кафедру".

- "Какие?" - спросил Экзарх.

- "Да вот, например, архимандрит Арсений".

- "А Вы знаете, какой у него паспорт?" - продолжал Экзарх.

- "Нет" - ответил Бувевский.

- "Советский! Это совершенно неприемлемо для брюссельских прихожан. Смотрите, Вы провалите всё, если будете медлить и не назначите владыку Василия".

- "Как хорошо, что Вы нам это сказали, мы это примем во внимание".

Так закончился этот телефонный разговор с Москвой, и действительно, Указом Священного Синода от 31 мая 1960 года я был назначен епископом Брюссельским и Бельгийским. И одновременно Брюссельско-Бельгийская епархия включилась в состав Западно-Европейского Экзархата. Вскоре я переехал в Брюссель.

Интересно отметить, что копия Указа была подписана архимандритом Николаем (Ротовым), будущим митрополитом Ленинградским. Тогда он был управляющим делами Патриархии (и заместитель митрополита Николая по Отделу внешних церковных сношений). О встречах и долгих беседах с ним я расскажу отдельно.

Глава 3

До сих пор мои письменные сношения и личная встреча с митрополитом Николаем в 1956 году носили преимущественно деловой и скорее поверхностный характер. Так что если бы дело ограничилось только этим, я, может быть, не стал бы писать этих воспоминаний.

В июле 1960 года, во время моей поездки в Москву, мне пришлось ближе встретиться с митрополитом Николаем и беседовать с ним с полной взаимной откровенностью. Это было время начала нового "хрущёвского" гонения на Церковь, о котором на Западе было ещё мало известно. Знали только о ренегатстве Осипова, об отлучении его от Церкви в декабре 1959 года, о смелой речи Патриарха в феврале 1960 года и о последующей вскоре за ней отставке

Карпова. Всё это и в особенности отставка Карпова, о котором сложилось мнение как о человеке сравнительно хорошо относящемся к Церкви - вызывало тревогу. Но в реальности масштабов, силу и размеры гонений никто не представлял.

Более того, всех нас как громом поразила внезапность и непонятность отставки (21 июня 1960 года) митрополита Николая от должности председателя Отдела Внешних Церковных сношений и замена его на этой должности на архимандрита Никодима (Ротова). Положение митрополита Николая на должности главы "иностранного" Отдела казалось настолько прочным, деятельность его в этой области была всецело в русле и линии политики Советского Правительства, а известность его за границей столь велика, что отставка его выглядела совершенно необъяснимой. Что-то важное происходит в стране, решили все, но что именно, было неясно. Вероятно, плохое!

Прошло менее месяца после отставки митрополита Николая, и в этой тревожной атмосфере, полной неопределённости, я отбыл 16 июля самолётом в Москву по приглашению Патриархии. В аэропорту я был встречен епископом Никодимом, как всегда, любезным и приветливым, с которым я познакомился немного более месяца до этого в Англии, куда он приезжал ещё архимандритом во главе монашеской делегации по приглашению англиканских монахов. Разумеется, он тогда даже и намёком не говорил о предстоящем уходе митрополита Николая и о своём назначении на его место.

Может быть, он даже этого и не знал?

На следующий день по приезде, в канун праздника преподобного Сергия, я начал выяснять возможности встретиться с митрополитом Николаем. У меня было к нему поручение от нашего Экзарха, да и сам я очень хотел его видеть.

Мне было сказано сопровождавшим меня протоиреем Матфеем Стаднюком, что митрополит Николай будет на празднике в Лавре, там его легче всего будет видеть, и что встречу с ним лучше всего сможет устроить наместник Лавры архимандрит Пимен (Хмелевский), нынешний епископ Саратовский и Волгоградский.

В Лавру мы прибыли на машине в самый день праздника (5/18 июля), за час до начала литургии. В монастырской гостинице нас встретил архимандрит Пимен. Я сразу сказал ему, что мне нужно встретиться и поговорить с митрополитом Николаем. Как это лучше устроить?

- "Хорошо, - сказал архимандрит Пимен, - это не трудно. Вы сейчас пойдёте в палаты (какие, точно не помню), туда придёт и митрополит Николай облачатся. Там Вы с ним и поговорите. А Патриарх придёт попозже".

Так и произошло. Меня провели в "палаты" и оставили одного. Через несколько минут пришёл и митрополит Николай. Никого кроме нас в "палатах" не было. Я сразу, не теряя времени (так как не знал, сколько времени мы останемся наедине), обратился к митрополиту Николаю: "Приветствую Вас от лица нашего Экзарха и от всего нашего Западно-Европейского Экзархата и хочу Вам сказать, как мы все были глубоко огорчены Вашей отставкой. Мы все надеемся, что она будет только временной!"

- "Да, - ответил митрополит Николай, - меня уволили так и так...!"

И при этих словах он сделал два энергичных жеста правой рукой со сжатыми кулаками, сверху вниз, как бы наискось перед собою, будто бы рубил сплеча, (что он хотел выразить этим жестом мне до сих пор не совсем ясно). Вероятно, что его добивали со всех сторон.

- "Почему, - изумлённо спросил я, - как это случилось?"

- "Это не от Церкви. Между мною и Патриархом ничего не произошло. У меня с ним были остались самые лучшие отношения. Это от гражданских властей. Вы, наверное, слышали, что у нас за последнее время очень усилилась антирелигиозная пропаганда. Я с этим боролся в своих проповедях. Не в тех, конечно, которые печатались в ЖМП, а в церквах. А народ мои проповеди слушает и любит... именно это и было неприемлемо для наших сегодняшних властей. Им нужны архиереи, которые молчат и торжественно служат. А те, которые проповедуют и борются с безбожием, им не выносимы и не понятны. Вот меня и убрали! Конечно, внешне всё произошло по порядку, я уволен Синодом по собственному прошению, но я вынужден был его подать".

- "Но Владыко, - заметил я, - тогда было бы естественнее уволить Вас от должности митрополита Крутицкого, а оставить Вас на должности председателя Отдела Внешних Церковных сношений. Тем более что Ваша деятельность в пользу мира была широко известна во всём свете и, вероятно, ценилась Советским правительством. Странно в таком случае, что поступили наоборот, оставили митрополитом Крутицким, а уволили из Внешнего отдела".

- "У нас, как Вы знаете, - ответил митрополит Николай, - переменилось *чиноначалие* (намек на замену Карпова Куроедовым). Оно не знает хорошо моей деятельности в пользу Мира и потому не ценит её. А уволить меня от должности митрополита Крутицкого они не могли. Это не в их силах. Да и Синод на это никогда не пойдёт".

(Дальнейшее показало, как ошибался митрополит Николай в этом отношении. Видно, что он не предвидел всего, что его ожидало в будущем).

Я спросил ещё митрополита Николая о нашумевшей речи Патриарха Алексия на заседании "Советского Комитета защиты Мира".

- "Эту речь составил я, - ответил мне митрополит Николай, - Патриарх только её прочитал. А Вы знаете, что произошло потом? Когда Патриарх закончил читать речь, в зале раздалось два-три жидких хлопка, а вслед за тем один за другим полнялись представители "общественности" и начали громить Патриарха... Вы хотите нас уверить, что вся русская культура создана Церковью, что мы ей всем обязаны, но это неправда и т.д. Произошёл целый скандал".

Далее я передал митрополиту Николаю приглашение нашего Экзарха приехать во Францию, посетить наш Экзархат. "Это очень укрепит положение нашей Церкви во Франции" (добавил я). Насколько мне было известно, сама мысль о подобной поездке, по приглашению Экзарха исходила непосредственно от самого митрополита Николая (это была его идея), а может быть и его московских друзей. Они писали об этом в Париж нашему Экзарху, митрополиту Николаю (Ерёмину) с намёком, что такое приглашение, а тем более поездка во Францию укрепит положение митрополита Николая. Каковы были истинные намерения митрополита Николая, в то не простое для него время, трудно сказать. Но не думаю, что у него

было намерение остаться во Франции, и стать "невозвращенцем". Как мы видели, в это время он ещё не предвидел, что его могут "уйти на покой", и скорее думал, что его "опала" временная.

Митрополит Николай явно заинтересовался переданным мною приглашением и попросил меня поговорить об этом с Патриархом. Я ответил, что у меня уже есть к нему письмо-приглашение от нашего Экзарха на поездку во Францию.

- "Это хорошо, - заметил митрополит Николай, - но было бы также хорошо, если бы Вы заговорили об этом приглашении в присутствии Куроедова, развили бы перед ним важность моего посещения Франции. Вы увидите его сегодня за обедом. Вы ведь туда приглашены, будет там и Патриарх".

- "А что за личность Куроедов?" - любопытно спросил я.

- "Мы в нём ещё не успели разобраться",- дипломатически ответил митрополит Николай.

- "А как нужно объяснять за границей причины Вашей отставки?" - спросил я.

- "Скажите, что уволен по неизвестным причинам. Во всяком случае, не по состоянию здоровья. Опровергайте это. В прошлом я, правда, болел, но сейчас я чувствую себя физически лучше, чем уже много лет. Но о настоящей причине моего увольнения также не говорите. Сообщите также о моём уходе архимандриту Арсению (Шиловскому) в Вене и протоиерею Феризу Берки в Будапеште. Им тоже скажите "по неизвестным причинам". *(Архимандрит Арсений и протоиерей Берки были тогда в непосредственном ведении митрополита Николая.)*

В это время вошёл Патриарх Алексей, и наш откровенный разговор с митрополитом Николаем прекратился.

Я передал Патриарху письмо Экзарха и устно подтвердил приглашение митрополиту Николаю посетить наш Экзархат во Франции. А митрополит Николай попросил Патриарха заговорить об этом за обедом в присутствии Куроедова. Патриарх согласился, но по виду его можно было усмотреть, что он довольно скептически думает об успешности нашего проекта. Не буду рассказывать о моём разговоре с Патриархом, так как непосредственно он не касался митрополита Николая.

Праздничную литургию в Троицком соборе Патриарх служил с митрополитом Николаем и мною. Другие архиереи (а их приехало на праздник восемнадцать) служили в других церквах Лавры. К обеду у Патриарха были приглашены сослуживавшие с ним литургию и наиболее "важные" из гостей: всего человек десять-пятнадцать. Остальные обедали вместе с монахами в монастырской трапезе. Патриарх сидел во главе стола, по правую руку от него, сидел митрополит Николай, а по левую - Куроедов. Непосредственно ниже митрополита Николая сидел я, и ещё несколько ниже сидели епископ Подольский Никодим (Ротов) и помощник Куроедова - П.В. Макарец.

Куроедова я увидел впервые. Это был брюнет под 50 лет, средней интеллигентности на вид, державший себя с апломбом, но без нахальства или грубости. От времени до времени он разговаривал в довольно любезном тоне с Патриархом, и тот отвечал приблизительно также. Меня чрезвычайно поразило, что Куроедов, обращаясь к Патриарху, называет его не "Ваше Святейшество", а просто "Алексей Владимирович".

Но что произвело на меня самое сильное впечатление, так это то, что Куроедов и митрополит Николай, хотя и сидели друг против друга, не только не обменялись за все время обеда ни одним словом, но даже избегали смотреть один на другого. Митрополит Николай сидел почти всё время, насупившись и молча, смотрел как-то вниз, не прямо перед собою, а всё время наискось в сторону Патриарха. Куроедов и митрополит Николай производили впечатление рассорившихся между собою людей, которых случай заставил встретиться, и которые избегают смотреть друг на друга (тем более разговаривать).

И вот во время обеда Патриарх сказал Куроедову: "Мне пишет из Парижа наш Экзарх, что приглашает митрополита Николая посетить Западный Экзархат и что этот визит будет очень полезен для нашей Церкви во Франции".

- "А чем, полезен? Мне это не совсем понятно" - спросил Куроедов.

Патриарх попросил меня объяснить это.

- "Во первых, Митрополит Николай, - *(так стал я исполнять это трудное поручение, ибо на самом деле, кроме желания помочь и поддержать митрополита Николая, других веских причин для его поездки во Францию не было)*- крупная и всемирно известная личность. И как иерарх Русской Церкви, и как борец за мир, его приезд во Францию сразу увеличит и укрепит престиж Русской Церкви на Западе. Отразит нападение враждебных нам юрисдикций, в особенности карловчан. А, кроме того, митрополит Николай своей личностью и своим красноречием привлечёт к нам многих".

Куроедов задумался.

- "А всё же мне не ясно, почему поездка митрополита Николая стала нужна именно сейчас", - заметил он.

- "Нет, она и раньше была нужна, - ответил я, - но тогда у митрополита Николая не было времени".

Куроедов ничего не ответил и разговор о поездке прекратился. Митрополит Николай во время всего разговора напряжённо молчал.

Уже после обеда, когда мы гуляли по коридорам патриарших покоев, ко мне подошёл Макарецев, и дружественно-любезным тоном обратился ко мне.

- "Владыко Василий, как мы рады Вас видеть, мы так много о Вас слышали!"

Начался разговор и скоро, как это у меня всегда бывало с Макарецевым, перешедший в спор. Он начал утверждать, что *они* не новые Победоносцевы и не хотят вмешиваться в жизнь Церкви.

- "Вот что, - сказал внезапно Макарецев, - здесь нам нет времени подробно всё обсудить, да и неудобно. Заходите к нам в Совет (по делам Религий), мы там с Вами обо всём побеседуем и лучше познакомимся. Будем Вам очень рады. Всегда готов Вас принять, укажите, когда Вам удобнее".

Я ответил уклончиво, что пока не знаю найду ли время его посетить. Да и не вижу в этом особенной необходимости, раз Церковь отделена в СССР от государства, то и дела церковные не должны его особенно волновать тоже. Макарецев очень настойчиво зазывал, но я также

настойчиво уклонялся, и разошлись мы на том, что я подумаю и тогда ему сообщу. Мне хотелось прежде посоветоваться с митрополитом Николаем и удалось его поймать на минутку. Я рассказал ему о настойчивом приглашении Макарецва и спросил, нужно ли идти на это.

- "А почему же нет?" - живо ответил митрополит Николай. - Плохого от этой встречи произойти ничего не может, а польза, может быть, и получиться. Принимайте приглашение и идите". Я вдруг, почувствовал, как *по-разному* (во многом) мы смотрим на одни и те же вещи, но по уважению и доверию к митрополиту Николаю решил исполнить его совет. После этого я сказал Макарецу о своём согласии, и мы условились, что я буду у него в Совете, в пятницу 22 июля в три часа дня. *Но эта встреча, как мы увидим ниже, так и не состоялась.*

В четверг 8/21 июля был праздник Казанской Божией матери, очень торжественно празднуемый в Москве. Всенощную накануне в Патриаршем соборе служили Патриархи Московский Алексей и Грузинский Ефрем. Сослужил митрополит Николай и другие архиереи, в том числе и я. В конце всенощной митрополит Николай обратился ко мне с лукавой, но милой улыбкой и сказал: "Вы епископ?" "Да", - отвечаю я.

- "Вы епископ?" - с какой-то настойчивостью повторяет митрополит Николай.

- "Да", - снова отвечаю я.

- "Так Вы ничего ещё не знаете? Завтра узнаете. Сегодня я ничего не могу Вам сказать".

Я догадался, что решено было, возвести меня в сан Архиепископа, но промолчал, и ничего не ответил митрополиту Николаю.

На следующий день перед началом торжественной литургии с участием двух Патриархов сослуживавшие им архиереи собрались в алтаре Патриаршего Собора, чтобы облачаться там во время чтения часов. Патриарх Алексей должен был прийти немного позднее, а Патриарх Грузинский должен был облачаться посреди церкви.

Я прибыл в алтарь ещё до начала часов, вскоре прибыл туда и митрополит Николай.

Мы стояли рядом, и у нас неожиданно, начался интереснейший разговор о положении Церкви в современной России. Через некоторое время к нам подошли иподиаконы и начали нас облачать, но митрополит Николай продолжал разговор, нисколько не стесняясь их присутствием. Впрочем, они скоро ушли, закончив наше облачение.

Наш разговор с митрополитом Николаем начался с того, что я спросил его, правда ли, что на Пасху этого года в Киеве во Владимирском соборе во время заутрени комсомольцы мешали богослужению. Прерывали его хулиганскими выкриками и прочими безобразными действиями (дело в том, что я об этом, прочёл в заграничных газетах).

- "Не только в Киеве - ответил митрополит Николай, - но по всей стране на Пасху прокатилась волна грубейших и безобразнейших антирелигиозных демонстраций. Мне даже неловко описывать их, особенно здесь, в церкви, но я всё-таки скажу, чтобы Вы знали правду. В одном из городов на Украине, во время службы, в церковь ворвалась толпа молодых людей, они несли на руках обнажённую девушку. Толпа направилась к алтарю и пыталась через

царские врата войти в него и положить девушку на престол. Конечно, это им не удалось, верующие вмешались и помешали, произошла общая драка в церкви и свалка".

- "Но как же реагирует на это Патриархия? - спросил я, - протестует ли она? И что делает милиция, ведь она обязана по закону не допускать таких безобразий?"

- "Патриархия делает что может, но без больших результатов. Каждый раз, как нам становится известно о таких бесчинствах во время богослужений, а об этом нам сообщают с мест наши архиереи и духовенство или даже верующие миряне, мы протестуем и жалуемся Совету по делам Православной Церкви, на подобные безобразия. Просим принять меры против виновных и против повторения подобных случаев. Обыкновенно через несколько месяцев, приходит ответ, что расследование не подтвердило содержания нашей жалобы и что, следовательно, она неосновательна. Что же касается милиции, то она в подобных случаях просто исчезает и появляется только по окончании бесчинств".

Мне было интересно продолжить начатый разговор, понять из первых уст о том, что же происходит сейчас в стране с положением Церкви и верующими.

- "А правда ли, как я слышал, что за последние шесть месяцев было закрыто свыше 500 церквей? И каким образом они закрываются? Вель по закону для закрытия храма нужно согласие верующих?" - спросил я.

- "Да, это правда, - продолжал митрополит Николай, - А ведь способов то закрыть церковь много. Вот, например, более мирный и якобы законный. В какой-нибудь церкви служит священник, ревностный и хороший. Он проповедует, устраивает крестные ходы и..."

- "То есть проповедует против безбожия?" - прервал я митрополита.

- "Нет, что Вы, просто проповедует. Другие то просто испугались и перестали проповедовать, а он ещё продолжает".

- "А разве крестные ходы запрещены?" - удивился я.

- "Почему же. Они разрешены, вокруг храма два раза в год. На Пасху и в храмовой праздник. Так вот, представьте, что этот священник продолжает читать проповеди и чаще устраивает крестные ходы. В результате, уполномоченный снимает его с регистрации или требует перевода в другой приход под угрозой снятия его с регистрации. Архиерей вынужден подчиниться, и назначает на приход другого священника. Но уполномоченный продолжает упорно отказывать в регистрации, нового священника, под разными предлогами, которого архиерей пытается назначить на этот приход. В результате в храме свыше шести месяцев не совершается богослужение, и власти закрывают храм как не действующий!"

Я был потрясён услышанным и просил митрополита Николая продолжить свой рассказ.

- "Могу Вам привести и более резкие способы закрытия храма. В один назначенный властями день, обыкновенно в воскресенье после окончания богослужения, когда народ уже разошёлся, около храма собирается толпа в несколько сот человек. Всё это коммунисты, комсомольцы и весь так называемый актив. Они вооружены соответствующими инструментами, и в течение нескольких часов физически разрушают и уничтожают храм! А церковную утварь, книги, облачения, иконы - грузят на грузовики и увозят в неизвестном направлении".

- "Но это, вероятно, может происходить только в деревнях?"- спросил я, совершенно убитый рассказом владыки Николая.

- "Почему же только в деревнях. Это происходит даже в сравнительно больших городах", - ответил митрополит Николай.

Далее я спросил его, что он думает о недавнем осуждении на три года тюрьмы архиепископа Казанского Иова (Кресовича) и справедливы ли предъявленные ему обвинения в финансовых злоупотреблениях, сокрытии доходов в целях неуплаты налогов и т.д. Об осуждении архиепископа Иова мы читали в газетах ещё за границей, а во время моего пребывания в Москве в газете "Советская Россия" появилась большая статья с резкими нападками на него и с описанием суда над ним.

- "Поверьте мне, что все эти финансовые обвинения, - ответил митрополит Николай, - неверны или, во всяком случае, неверны на восемьдесят процентов. Истинная подоплёка дела с архиепископом Иовом не в этом. Он был деятельным архиереем, проповедовал, ездил по приходам, боролся с безбожием, противился закрытию приходов. Это, конечно, не понравилось гражданским властям, его решили убрать, но так как прямо обвинить его, за его церковную работу, было не удобно, то против него выдвинули обвинение в неуплате налогов. Дело в том, что у нас архиереи получают определённое содержание (скажем 5000 рублей в месяц) и, кроме того, на расходы по представительству (примерно 10 000 рублей). Это расходы на передвижение, оплата секретаря, машины и т.д. Повсеместно принято, что в финансовую инспекцию делается заявление только о содержании (жаловании) и по нему уплачивается налог, а о суммах на представительство ничего не заявляется и налогом они совсем не облагаются. Это повсюду принято, уже давно существует и об этом прекрасно известно правительству. Никогда с их стороны не было никаких возражений. Так поступал и архиепископ Иов. И вот однажды, совершенно неожиданно он был арестован и предан суду за злостное сокрытие от финансовой инспекции своих "получений на представительство". Но ведь в этом можно обвинить всех архиереев, в том числе и меня. Более того, когда против кого-нибудь имеется обвинение, что он скрывает свои доходы, его никогда сразу не предадут суду. Но вызывают сначала к фининспектору на объяснение, и если обвинение оказывается правильным, дают возможность в известный срок уплатить требуемую сумму и только в случае отказа привлекают к суду. А в данном случае архиепископ Иов был сразу предан суду, и хотя его сыновья-инженеры внесли за него требуемый налог, он был осуждён на три года. Это не слыханная мера наказания в налоговых делах. Обвиняли его также в неправильной отчётности, но самое большее, что можно сказать, - что отчётность велась небрежно, но злоупотреблений конечно не было. Вообще весь суд велся в безобразной и дикой обстановке. В газетах началась травля с полным искажением того, что происходило на процессе. Всё это дело, было затеяно с явной целью, запугать других архиереев, чтобы они сидели смиренно и не боролись с безбожием. И кстати, против каждого из нас, может быть возбуждено подобное дело".

Я спросил митрополита Николая, можно ли и нужно ли сделать известным за границей то, что он мне рассказал. Митрополит Николай задумался на минуту (видно было, что мой вопрос его встревожил).

- "Да, - сказал он, наконец, - можно и даже полезно. Но без всех подробностей и без упоминания моего имени. И может быть лучше, что не от Вашего лица, а то будет легко догадаться. А вот молодёжи, которая приехала с Вами из Франции, ей лучше ничего не рассказывать. Зачем смущать и соблазнять молодые души?"

Митрополит Николай имел в виду группу молодёжи нашего Экзархата, которая приехала по приглашению Патриархии одновременно со мною, но хотя и независимо от меня, из Парижа. Я, конечно, подумал, что молодёжи как раз и хорошо бы знать правду о стране, но ничего не сказал владыке Николаю о своих размышлениях.

- "Вот Вы говорите мне о преследованиях и тяжёлом положении Церкви в современной России, - продолжал я, - а всего несколько недель тому назад была в Англии монашеская делегация Русской Церкви с архимандритом, теперь епископом Никодимом во главе. И владыка Никодим на задаваемые ему англичанами вопросы отвечал, что Церковь в России свободна и никаких гонений или притеснений нет".

Митрополит Николай грустно улыбнулся в ответ.

- "Если бы я был на месте владыки Никодима, в поездке по Англии, то вероятно в Оксфорде стал бы говорить то же самое, что и он".

Мне удалось задать митрополиту Никодиму последний вопрос. В это время нас уже почти кончили облачать, иподиаконы оставили нас одних, и мы сидели рядом друг с другом в мягких, покрытых белыми чехлами креслах, в алтаре собора.

- "А скажите, можно ли доверять Вашему преемнику по Отделу внешних сношений епископу Никодиму? Этот вопрос задаётся у нас в Экзархате. И мне лично хотелось бы знать Ваше мнение".

Тут митрополит Николай сделал своеобразную гримасу, как будто он попытался проглотить что-то очень неприятное и противное. При этом он крутил головой направо и налево, отчасти вниз и как-то странно чуть-чуть улыбался, но продолжал упорно молчать. Я вторично повторил этот вопрос: "Так можно всё-таки доверять или нельзя?" Ответа я так и не дождался. Вскоре нас позвали, пришло время начинать литургию, и мы вышли царскими вратами на середину храма.

Чем объяснить умолчание митрополита Николая на мой вопрос, тем более после столь откровенных рассказов и ответов его на не менее опасные темы? Я об этом много думал. Может быть, его осторожностью или опасениями? Но тогда почему он не был осторожен и не боялся отвечать на другие вопросы? Вернее всего, при всей своей антипатии к епископу Никодиму (он выразил её своей гримасой) архиерейская совесть и чувство ответственности не позволяли митрополиту Николаю высказаться прямо, вслух, против епископа Никодима. Он не мог взять на себя столь тяжкое обвинение без достаточных к тому оснований. И хотя качание головой митрополита Николая имело, может быть, смысл, что он не советует нам *доверять* епископу Никодиму, но его молчание имело совсем, *противоположный смысл*.

После торжественной литургии в Патриаршем Соборе с участием двух патриархов и множества архиереев все мы, сослуживавшие Патриарху Алексию епископы, были приглашены к нему на обед в помещение Патриархии в Чистом переулке. Были там и непременно в таких случаях Куроедов и Макарецев.

Перед началом обеда Патриарх, обратившись ко мне, сказал: "Вы возводите в сан архиепископа Брюссельского и Бельгийского. Вот Вам об этом указ Синода. Там есть ошибка, та как вместо "Брюссельского и Бельгийского" написали второпях наоборот "Бельгийского и Брюссельского". Исправить, уже не было времени, Вы на это не обращайтесь внимания" (и добавил с чуть заметной иронией) "Вы, наверное, этого ожидали?"

Мне было трудно ответить. До вчерашнего разговора с митрополитом Николаем мне и в голову не приходило, что меня могут возвести в сан архиепископа, ведь всего лишь год с небольшим, как я был хиротонисан епископом, но после разговора с митрополитом Николаем я почти догадался, но "выдавать" его мне конечно не хотелось. Поэтому я ответил: - "Нет, не ожидал".

- "Вот как, - удивился Патриарх, - да ведь этот сан полагается по Вашему положению в Бельгии. Конечно, можно было ещё подождать, но раз Вы приехали, мы решили дать Вас сан архиепископа теперь же".

И, обратившись к стоящему недалёко Куроедову, Патриарх стал объяснять ему, что они на вчерашнем заседании Синода дали мне сан архиепископа, так как этого требует положение о нашей Церкви в Бельгии. Куроедов промолчал. Лично я до сих пор убеждён, что инициатива моего ускоренного возведения в сан всецело принадлежала митрополиту Николаю.

Уже совсем поздно вечером, того же дня, в номере, занимаемом мною в гостинице "Советская", раздался телефонный звонок. Я взял трубку "...говорит дежурная Патриархии. С Вами будет сейчас говорить митрополит Николай".

И действительно, вслед за тем раздался голос митрополита Николая: "Вы завтра, как я слышал, будете у Макареца. Очень прошу Вас, скажите ему то, что Вы говорили мне, - как широко известна за границей моя деятельность в защиту миру, как я лично известен, как ценят мои выступления и какое они имеют значение для Советского Союза и, что они поднимают престиж этой страны! (Надо сказать, что дословно я этого никогда не говорил митрополиту Николаю. А говорил Куроедову (см. выше) из желания помочь с поездкой во Францию). Очень прошу Вас это сделать, Вы тем самым много мне поможете". Я согласился, хотя и без большой охоты. Мне стало жалко митрополита Николая, ещё недавно чуть ли не самый влиятельный и сильный иерарх Московской Патриархии теперь просит помощи и защиты у приехавшего из-за границы епископа-эмигранта, значительно более молодого по возрасту и хиротонии.

Встреча моя с Макарецевым, назначенная на 3 часа дня пятницы 22 июля, не состоялась. Я неожиданно был приглашён в 2 часа на банкет, устраиваемый епископом Василием Самахой, (представителем Антиохийской Патриархии при Патриархе Московском) по случаю его отъезда на родину. Всё это должно было происходить на епископской даче в Серебряном Бору под Москвой. Не буду много говорить о епископе Василии (это вне темы моих воспоминаний о митрополите Николае), скажу только, что у него была сомнительная репутация, как в нравственном, так и в политическом отношении. Об этом я слышал за границей и в некоторых кругах Антиохийской Патриархии. Не стану также описывать "банкет", весьма красочный и любопытный. Скажу только, что на нём присутствовали, кроме Патриарха Алексия, митрополита Николая и других церковных деятелей, Куроедов и Макарецев, а так же послы арабских стран и Персии.

Сам епископ Самаха выступил с большой церковно-политической речью, в которой в духе восточного красноречия и льстивости воспевал дифирамбы всем присутствующим - Патриарху Алексию, Куроедову, Совету по делам Православной Церкви, Советскому правительству (за компанию), митрополиту Николаю и даже мне...

Но всё это к делу не относится. Отмечу только, что когда Самаха стал восхвалять митрополита Николая как великого борца за мир, митрополит Николай, сидевший до этого как-то в стороне, за небольшим столиком на два-три человека, с довольно насупившимся взором, вдруг привстал... почти вскочил, и каким-то истошным полуистерическим голосом воскликнул: *"Да, за Мир я готов бороться до последней капли крови!"*

Банкет кончился около пяти часов вечера, в тот же вечер я должен был уезжать поездом в Ленинград. Мы условились с Макарьевым, что я встречу с ним по возвращении моему в Москву, а точное время мы с ним обговорим по телефону. Мне почти не пришлось поговорить на этом банкете с митрополитом Николаем, и кто мог тогда предвидеть, что больше я его не увижу.

В Ленинграде мне удалось откровенно побеседовать о митрополите Николае с настоятелем Никольского (Морского) Кафедрального Собора протоиереем Александром Медведковым, знакомым мне ещё по поездке 1956 года.

- "Да, - сказал он, - нас всех как громом поразила, отставка митрополита Николая. О ней нам рассказывал наш митрополит Питирим (Свиридов, скончавшийся в 1963 году) по возвращении из Москвы с заседания Синода. Обсуждался вопрос о принятии Синодом прошения митрополита Николая об отставке: *"Ваше Святейшество - заявил тогда на заседании Синода митрополит Питирим, - у меня скорее рука отсохнет, чем я подпишу постановление о принятии прошения об отставке митрополита Николая!"* Как нам рассказывал митрополит Питирим, в ответ он услышал громогласное слово Патриарха - *"Надо!"* И что удивительно, сам митрополит Николай прибавил - *"Надо"*. И мне пришлось подписать".

В результате этого рассказа я спросил о. Медведского: "А почему же митрополит Николай подал сам такое прошение? Что могло его к этому побудить?"

- "Трудно сказать. Вероятнее всего, ему предъявили такие требования, принять которые ему не позволяла его совесть. И он предпочёл уйти в отставку",- ответил мне о. Медведский".

Я вернулся в Москву 28 июля. От встречи с Макарьевым я решил отказаться. Слишком много тяжёлого о положении Церкви в стране я услышал в Ленинграде. При этой встрече мне пришлось бы или скрывать мои впечатления (что я считал недопустимым!) или говорить откровенно и тем самым подвергать опасности лиц, с которыми я имел общение. И вообще я не желал "открывать свои карты" Макарьеву, давать ему понять, насколько я осведомлён о положении Церкви в современной России. На всё это было много веских причин. К сожалению "помочь" митрополиту Николаю, при открывшихся обстоятельствах, я считал невозможным. Поэтому на вопрос сопровождавшего меня протоиерея Павла Соколовского (погиб в авиационной катастрофе в 1973 году над Прагой), когда я думаю встретиться с Макарьевым, я ответил, что до отъезда у меня на это не хватит времени. Отец Соколовский остался недоволен, но ничего не сказал.

На следующий день, во время утреннего чая в номере гостиницы "Советская", протоиерей Соколовский сказал мне, что меня кто-то хочет видеть. Я вышел в переднюю номера и увидел даму. Ей было около пятидесяти лет, как-то не по-модному одетая в коричневое платье, с интеллигентным лицом, если не ошибаюсь, в очках. Она попросила у меня благословение и передала письмо, сказав при этом: "Это от митрополита Николая". И ушла.

Я вернулся в номер, и протоиерей Соколовский сказал мне: "Это Зоя Михайловна, секретарша митрополита Николая. Очень влиятельная при нём особа. Он всё делает только через неё".

Видел ли о. Соколовский, что она передала мне письмо не знаю. Думаю, что нет, но, несомненно, догадался. Впрочем, я решил не скрывать этого и прочитать его сразу же.

Я думал, что в этом письме не может быть ничего важного, вероятнее всего, подумал я предложение о нашей встрече перед моим отъездом. Словом, я сел за стол и прочитал его (конечно про себя, а не вслух). Я бережно храню это письмо в своём архиве, всё оно написано от руки, вот его содержание:

Дорогой, возлюбленный Владыка Василий!

По-Вашему возвращению из Ленинграда я многократно пытался найти возможность встретиться с Вами, а также с Ник. (Большаковым - он так же приехал из Англии в качестве гостя Патриархии. -А.В.) и молодёжью. Новый руководитель Внешнего Отдела и его помощник (Бувевский - А.В) изолировали меня от Вас и всех вас. Мне не было предоставлено часа для этих встреч, и Вы, вероятно, сами не знали об этой изоляции. Как всё это грустно!

Обнимаю Вас с горячей братской любовью!

Передайте, пожалуйста, прилагаемые письма по назначению. Мне очень тяжело.

Передайте С.Н-чу (Большакову - А.В) о моей невозможности иметь беседу с ним.

Передайте Вашей молодёжи глубокую благодарность за присланную книгу и тёплое письмо. Так мне и не дали повидаться с ними!

Вас лобзаю братски, всем остальным пересылаю моё благословение. Прощаюсь со всеми вами - увы! - на расстоянии.

Если Пр. Экзарх или кто-либо будет мне писать, то только на домашний адрес: Москва 5, Бауманский 6 - мне.

Счастливого пути! Богом благословенного успеха в работе, дорогой Владыка!

Прошу святых молитв.

Не понимаю происходящего со мной.

Душой всегда буду со всеми вами.

С любовью неизменной

Ваш М.Н.

29 июля 1960 г.

Прочитав это письмо, я сразу начал действовать, чтобы встретиться или, по крайней мере, поговорить по телефону с митрополитом Николаем. Я сказал протоиерею Павлу Соколовскому, что мне непременно нужно видеть перед отъездом митрополита Николая, для того чтобы попрощаться с ним. Он позвонил в Патриархию, где ему сказали, что митрополита Николая нет, но он скоро будет и останется там до трёх часов. Я просил передать ему, что хочу его видеть. Позже, когда я снова позвонил, мне ответили (кажется Бувский), что митрополит Николай был, но уехал раньше обыкновенного, провожать в аэропорт Патриарха, который в час дня улетал в Одессу. Передать ему о моём желании его увидеть не успели, но обещали сделать это на аэродроме. Позднее я снова позвонил в Патриархию, и мне сказали, что после отбытия Патриарха митрополит Николай сразу уехал к себе домой, так что ничего передать ему не успели. А до отъезда Патриарха было не возможно с ним переговорить, так как митрополит Николай на телефонные звонки не отвечает. После окончания служебного дня в Патриархии, он "запирается" у себя дома, и добиться его по телефону невозможно, даже в самых экстренных случаях. Более того, мне сказали, что даже на звонки у двери он тоже не отвечает и никому не отпирает дверь. Я понял, что у Патриархии в этом деле большой опыт. И действительно, я днём и вечером до позднего часа пытался звонить по телефону, на его квартиру, но безрезультатно. Никто не отвечал на телефонные звонки.

Итак, в три часа дня я был в Патриархии, во Внешнем отделе (тогда он ещё помещался в том же здании, что и Патриархия, в Чистом переулке). Я хотел попрощаться и поговорить перед отъездом с епископом Никодимом (Ротовым). Мы долго с ним беседовали о делах Экзархата. Отчасти о моих впечатлениях и о положении Церкви. Как всегда (или почти всегда), беседа с ним была полуоткровенной, кроме деловой части, конечно. Я рассказывал ему о моих тяжёлых впечатлениях, которые почерпнул о состоянии церковной и приходской жизни в стране. От кого я получил эти сведения я, конечно, не говорил, да и митрополит Николай был далеко не единственным моим источником. Епископ Никодим в процессе беседы иногда соглашался, часто давал свои объяснения, делал поправки, опровергал или заявлял, что рассказываемое мною ему совсем неизвестно. Например, о безобразиях в Киеве во время пасхальной заутрени, я сказал, что слышал об этом ещё на Западе, от французов, которые были в Киеве на заутрене.

- "Это интересный факт, мне он неизвестен. Его следовало бы проверить",- сказал епископ Никодим.

Во время делового разговора некоторое время присутствовал Бувский, но потом епископ Никодим его отослал и сам начал со мною, каким-то особенно серьёзным тоном, разговор о митрополите Николае.

- "Я знаю, что у вас в Западно-Европейском Экзархате митрополит Николай пользуется большой популярностью, и у вас многие думают, что отставка его вынужденная, и он скоро вновь вернётся на своё место председателя Отдела Внешних церковных сношений. Я должен Вам определённо заявить, и прошу Вас передать это официально от моего имени владыке Экзарху и всем в Экзархате, что отставка митрополита Николая окончательная. На свой пост он больше не вернётся. Вы должны это понять, перестать надеяться на его возвращение, ни в коем случае не предпринимать никаких шагов, чтобы он вернулся и в дальнейшем сотрудничать с лицами, назначенными Патриархией на его место. И Вы можете быть уверены,

что встретите у нас ещё большее внимание и доброжелательство к Вашим нуждам и проблемам, чем у митрополита Николая".

- "Владыко, - ответил я, - конечно, мы будем лояльно и по-братски сотрудничать с Вами, это наш долг. Ведь мы служим не "лицам", а Русской православной Церкви. Для нас достаточно, что Вы назначены Синодом и Святейшим Патриархом. И мы уверены, что встретим в Вашем лице внимательное и доброжелательное отношение к нашему Экзарху. Но это не мешает нам искренне сожалеть об уходе митрополита Николая, от которого мы видели постоянно добро и заботу. Более того, мы высоко ценим его как выдающегося деятеля Русской Православной Церкви. Мы скорбим о случившемся".

- "Напрасно, - сказал епископ Никодим, - у вас на Западе создалось неправильное представление о митрополите Николае. Вы его недостаточно знаете. Как бы его характеризовать? Вы слышали, наверное, о ходком у нас выражении "Культ личности"? Так вот, митрополит Николай был типичным выражением этого культа. Культа своей собственной личности, конечно. Посмотрите на последний номер ЖМП, вышедший перед его отставкой. Половина журнала занята приветственными письмами и телеграммами, которые он получает к праздникам. Это вдвое более места, чем приветствия Патриарху. А его проповеди, которые постоянно печатаются в ЖМП! Допустим он хороший проповедник, но ведь не единственный в Русской Церкви. Есть и другие. Почему такая монополия? И так во всём. А в деловом отношении митрополит Николай ничто. Посмотрите, что делается в Московской епархии, которой он в качестве митрополита Крутицкого и Коломенского управляет! Ни одна епархия Русской Церкви так не запущена, как она. Вообще он никогда не заканчивает ни одного дела, бросает всё на пол дороге. Вот Вам один пример - воссоединение Русско-Константинопольского Экзархатов в 1945 году. Почему, скажите, он не добивался признания этого воссоединения от Константинопольской Патриархии? Это ведь было в те времена вполне возможно. И в результате провал".

- "Да, но митрополит Николай, широко известен на Западе, очень популярен там, в инославных кругах и нельзя, по-моему, с этим не считаться", - возразил я.

- "Как раз наоборот, - воскликнул епископ Никодим.- Своими крайними, ненужными выступлениями он вызвал всеобщее недовольство, стал одиозной, неприемлемой фигурой. И это было одной из причин его увольнения".

Наш разговор с епископом Никодимом был интересным для меня и многое проясняющим. После его окончания я направился к выходу, собираясь уходить. И тут меня неожиданно поймал у дверей А.С. Бувеский, увлѣк в самую глубину двора Патриархии, где нас никто не мог слышать, и, волнуясь, захлѣбывающимся голосом быстро начал говорить о митрополите Николае. Разговор наш продолжался более часа!

Хочу кратко передать его содержание.

"Вы, вероятно, осудите меня и, выражаясь высокопарно, "Вычеркнете меня со скрижалей Вашего сердца" (начал Бувеский), за то, что я, многолетний ближайший сотрудник митрополита Николая и во многом лично ему обязанный, сразу после его отставки начну говорить Вам против него. Но я не могу молчать, совесть требует от меня сказать всю правду. Прямо скажу Вам, что если бы Он не ушѣл, все мы должны были бы уйти. Всякое

сотрудничество с ним было невозможно и невыносимо. То взрыв бурной энергии, то вслед за тем долгие депрессии, прострации, когда все дела останавливались. И все он хотел делать сам! Он не желал иметь никаких настоящих сотрудников. За долгие годы его возглавления Отдела Внешних церковных сношений он не сумел и не захотел создать кадры сотрудников-специалистов этого ответственного Отдела. Хотя многие ему указывали на эту крайнюю необходимость. Какой позор, что я мирянин и мало подготовленный к этой работе, был единственным сотрудником Отдела. Скажу Вам, что ради личного честолюбия и славолюбия он был готов идти на всё, на любое унижение Церкви и себя лично. Так, например он не довольствовался многими орденами, которые у него были, ему вздумалось ещё получить от Советского комитета по защите Мира, "Ленинскую Премию Мира". И вот он не раз посылал меня в комитет, где я должен был говорить о его заслугах по борьбе за Мир и добиваться присуждения ему этой премии. Как мне это было тягостно и стыдно исполнять это поручение митрополита Николая. И как он унижил и опозорил своими домогательствами Русскую Церковь получением этой Ленинской премии... но конец был ещё позорнее. Дело в том, что Советское Правительство наградило Патриарха Алексия "Грамотой за Защиту Мира", а митрополита Николая обошло. Так митрополит Николай обиделся и послал меня в Комитет заявить, что он отказывается от Ленинской Премии!

В ответ на это мне с иронией заявили в Комитете, что митрополит Николай напрасно беспокоиться, никто и не думает присуждать ему премию". Так закончил свой монолог А.С. Бувский.

Вечером того же дня в пятницу 29 июля в ресторане "Прага" был устроен банкет в честь отъезжающих гостей. На следующий день мне исполнилось 60 лет, и этот факт тоже отмечался на банкете. Среди присутствующих были епископ Никодим и протопресвитер Виталий Боровой, с которым я впервые познакомился. Отсутствовал Макарец, который обычно бывал в таких случаях. Видимо он "обиделся", что я у него так и не побывал.

После окончания ужина мне удалось на минуту подсесть к столику, за которым сидел А.В. Ведерников - лицо очень близкое к митрополиту Николаю (и как показало дальнейшее, оставшийся ему верным, в его опале, до конца).

Я тихо спросил его: - "Скажите, какие поллинные причины отставки митрополита Николая?"

Ведерников неожиданно для меня под столом сделал знак ногою и тихо произнёс мне почти на ухо: "Он Вам сам всё рассказал!"

На следующее утро, 30 июля 1960 года я улетел в Париж.

Глава 4

Последнее личное известие от митрополита Николая я получил 11 апреля 1961 года, то есть после того, как он в сентябре 1960 года был уволен на покой с должности митрополита Крутицкого и Коломенского. Я поздравил его с Пасхой телеграммой на его домашний адрес в Москве и получил в Брюсселе телеграфный ответ: "Воистину Воскресе! Взаимно, с любовью горячо поздравляю, обнимаю, митрополит Николай".

Не буду сейчас писать об обстоятельствах смерти митрополита Николая 13 декабря 1961 года. Меня не было тогда в Москве и цель моя - не повторять газетные версии, а писать личные воспоминания. Скажу только, на нашего теперешнего Экзарха, митрополита Антония, который присутствовал на похоронах, произвело большое впечатление спешка и быстрота, с которой всё происходило. Сами похороны, отпевание, речь Патриарха, вся обстановка в Лавре, произвели на него даже тяжёлое впечатление. Экзарха также поразило не сочувственное, иногда даже враждебное отношение к покойному со стороны собравшихся на похороны архиереев и духовенства. Никто не сказал о нём доброго слова. Даже если допустить здесь некоторое "приспособленчество" к обстановке, несомненно, что митрополит Николай не был популярен среди своих собратий, особенно архиереев. Его не любили за недоступность, нежелание поддерживать человеческие отношения. Особенно не любил он, когда к нему обращались его старые друзья. "С тех пор как я стал архиереем, я порвал все личные отношения", - говорил он. Рассказывают, что он сохранял отношения только со своим братом, который жил в Ленинграде и скрывал от всех, что его брат это митрополит Николай. Говорят, что митрополит звонил ему в Ленинград из Москвы каждую неделю.

Итак, в Москву я снова попал только в октябре 1964 года и всего на две недели. Находясь в Лавре, я захотел посетить могилу митрополита Николая. Мне обещали, но почему-то медлили. Пришлось дважды повторять просьбу, второй раз более энергично. Тогда сопровождавший меня протоиерей Вадим Гришин, служащий Отдела Внешних Церковных Сношений, повёл меня к туристической конторе с надписью на английском языке у врат Лавры, получил письменный пропуск у находившегося в конторе молодого монаха, и мы в сопровождении другого пожилого монаха пошли к одной из церквей лавры. Здесь в крипте находилась могила митрополита Николая.

Монах открыл ключами крипту, и мы вошли в неё.

Могила митрополита Николая была покрыта белыми мраморными плитами с золотой надписью - имя, сан, годы рождения и смерти. Немного цветов... мы помолились. Как мне сказали, в церкви раз в неделю совершается литургия, а иногда и панихиды на могиле митрополита Николая, тогда пускают народ. Но обыкновенно храм закрыт.

Я мог бы закончить мои воспоминания, но мне хотелось бы пополнить их тем, что я слышал о митрополите Николае при моих посещениях России в 1964, 1966 и 1969 годах. Особенно интересны рассказы лиц, живущих в современной России и временно находящихся за границей, между 1961-1969 годами. Я совершенно сознательно не упоминаю о каких-либо эмигрантских рассказах из вторых и третьих рук.

Подробности об обстоятельствах отставки митрополита Николая наиболее верно, как мне кажется, рассказывал А.В. Ведерников в Москве в 1968 году. По его словам, к Патриарху весной 1960 года явился Куроедов и его сотрудник, кажется, Фуров. В течение нескольких часов они кричали на Патриарха, категорически требуя устранения митрополита Николая от всех должностей. Патриарх долго сопротивлялся, но, наконец, вынужден был уступить, выговорив только, что увольнение митрополита Николая, будет происходить постепенно, с временными промежутками, что и было впоследствии осуществлено. Ведерников был близок к покойному митрополиту Николаю, и потому можно полагать, что этот рассказ основан на его собственных словах.

Совсем наоборот говорил митрополит Никодим (Ротов). Он уверял, что Синод и Патриарх не хотели совсем увольнять митрополита Николая, а только думали перевести на кафедру митрополита Ленинградского: "Этого требовали обстоятельства". В этом предложении не было бы ничего обидного для митрополита Николая. Даже, наоборот: в Ленинградской епархии в его ведении было бы прекрасные столичные храмы и Духовная Академия, что для митрополита Николая как учёного богослова должно было быть очень интересно. Тем более что в городе на Неве протекали годы его церковного служения в молодости, его все помнили и любили. Но получалось так, что без Внешнего Отдела Крутицкая митрополия не интересна. А должность митрополита Крутицкого и Коломенского, в сущности, есть служение викария Патриарха, из его ведения изъяты все московские храмы (кроме одного) и Духовная Академия, все они подчинены непосредственно Патриарху. Митрополит Николай счёл перемещение в Ленинград обидным понижением и отказался принять предложение. Впоследствии, когда он понял, что его собираются совсем "убрать на покой", он сам стал проситься в Ленинград, но было уже поздно.

Хочу сказать, что много интересного рассказывал мне о митрополите Николае московский протоиерей Всеволод Шпиллер, знавший его много лет. После окончательной своей отставки митрополит Николай. Как известно, долгое время жил в Сухуми, а протоиерей Шпиллер тоже проводил там свой отпуск. Они ежедневно виделись, гуляли вместе по пляжу и подолгу беседовали. Митрополит Николай жаловался на трудности и несогласия, которые возникали у него в течение многих лет с Патриархом. Так что уверения митрополита Николая (мне), что у них с Патриархом было всё хорошо, не совсем соответствуют действительности. По словам о. Шпиллера Патриарх недостаточно поддерживал владыку Николая, когда власти настаивали на его отставке, и, судя по всему, может быть, даже был рад от него отделаться.

Я рассказал о. Шпиллеру о моём разговоре с митрополитом Николаем на празднике в Лавре. При всём своём сочувственном отношении и любви к митрополиту Николаю он не скрывал некоторые неприятные и смущающие черты его деятельности. Хочу здесь привести рассказ о. Всеволода Шпиллера о митрополите Николае: "В начале пятидесятых годов, вскоре после моего приезда из Болгарии, (где я жил и священствовал), я был вызван к митрополиту Николаю во Внешний Отдел Патриархии. Митрополит Николай сказал мне, что решено послать в Берлин церковную делегацию, к архиепископу Сергию (Королёву). Цель этой поездки сводилась к братскому посещению и вместе с тем расследованию церковных дел в епархии владыки Сергия, его деятельности. В частности митрополит Николай прибавил, что я назначен одним из членов этой церковной делегации. После этого сообщения, я ещё оставался и беседовал с ним. Довольно долго обсуждая разные стороны жизни нашей Церкви в Берлине и Германии, не выходя при этом из рамок чисто церковных вопросов. Когда это деловое обсуждение кончилось, и я взял благословение у владыки Николая, он стал сопровождать меня к выходу. Перед самыми дверями остановился и, притупив глаза, смотря как-то в сторону, сказал негромким голосом: "И когда Вы вернётесь, Вы нам представите рапорт, что архиепископ Сергей ведёт среди эмигрантов в Берлине антисоветскую монархическую пропаганду". Я обомлел от неожиданности! Во всём нашем разговоре с митрополитом Николаем об архиепископе Сергии не было ни слова о такого рода его деятельности, и тем более о столь, мягко говоря "моей миссии".

"Владыко! - воскликнул я. - Да как же я могу заранее обещать это сделать? Ведь я ничего не знаю, что делается в Берлине. Да я должен сначала посмотреть и убедиться в

правильности подобных обвинений против владыки Сергия! Я лично никогда об этом не слышал!" "Нет, - возразил митрополит Николай, - Вы по возвращении напишете рапорт о контрреволюционной деятельности архиепископа Сергия в Берлине". Причём он повторил это каким-то монотонным голосом, не смотря мне в лицо и, как-будто не слыша моих возражений. "Владыко, это невозможно. Я не могу это обещать. Это против моей совести" - всячески настаивал я. "Вы ещё слишком мало времени живёте в Советском Союзе и не знаете здешних порядков. Итак, Вы по возвращении представите нам рапорт, что архиепископ Сергей ведёт в Берлине среди эмигрантов антисоветскую монархическую пропаганду" - всё тем же странным голосом и, не смотря на меня, повторил, митрополит Николай. Я не смог пойти на такой шаг и не согласился, разговор наш кончился, и в результате я не был включён в Берлинскую делегацию".

От себя добавлю к этому рассказу о Шпиллера, что архиепископ Сергей всё же был вскоре отозван из Берлина в Москву, где он был назначен архиепископом Казанским. Очевидно, нашёлся другой "доброволец", который написал требуемый рапорт на него, а протоиерея Шпиллера, несмотря на его знание языков, очень редко стали выпускать за границу. Впрочем, как мы знаем, причины этого могли быть совсем иные, да и назначение архиепископа Сергия в Казань нельзя рассматривать как понижение, а скорее - наоборот. Может быть, (это мои догадки) митрополит Николай знал об этом, когда, исполнял, очевидно, данное ему "задание" и настаивал, чтобы о. Шпиллер представил требуемый рапорт. "Властям предержавшим" нужно было убрать архиепископа Сергия из Берлина и вообще с запада. Они ему не доверяли как эмигранту, то было сталинское время. Может быть, митрополит Николай согласился помочь Им в этом, но, только получив заверения, что архиепископ Сергей не подвергнется преследованиям по возвращении в Советский Союз и получит соответствующее его сану и способностям церковное назначение. Отмечу так же, что, несмотря на отказ протоиерея Шпиллера "помочь" митрополиту Николаю, последний продолжал к нему относиться с прежним доброжелательством.

О том, что митрополит Николай действительно активно боролся против безбожия в своих проповедях, особенно в последний период перед отставкой, свидетельствует уже упомянутый мной А.В. Ведерников: "Проповеди митрополита Николая в Преображенском Соборе, где он обыкновенно служил в Москве, становились всё более и более резкими. Иногда он просто начинал кричать, что, конечно, действовало на народ. В это время в печати велась компания против крещения детей, доктора в газетах "научно" доказывали "вред крещения для здоровья". Митрополит Николай кричал против них в своих проповедях: "Какие-то жалкие докторишки!"

Известно было, что он рассказывал народу об академике Павлове, которого он лично знал. Он говорил прилюдно, что академик не был атеистом, как изображала его советская пропаганда, а был верующим православным христианином".

А ленинградский протоиерей Александр Медведский, с грустью вспоминая, говорил мне, кажется в 1966 году: "Как всё изменилось! Помню, в последние годы войны мне приходилось сопровождать митрополита Николая в его поездках в районе фронта. На офицерских собраниях митрополит Николай говорил о вере, религии, о смысле жизни. С каким глубоким вниманием и интересом, с каким сочувствием, слушали его офицеры, какое он на их производил впечатление, и какие интересные беседы потом завязывались! Можно было

надеяться, что образуется связь и взаимное понимание между Церковью и интеллигенцией. И что митрополит Николай будет главным деятелем этого сближения. Но всё это было порвано, самого митрополита Николая больше нет, и встречи, подобные происходившие во время войны, сейчас не мыслимы".

(Надо прибавить, что возрождение церковных настроений, патриотических и национальных чувств во время войны 1941-45 годов было задумано и проводилось в жизнь самим тов. Сталиным)

Конечно, не раз мне приходилось беседовать о митрополите Николае с митрополитом Никодимом (Ротовым). Это бывало по большей части во время его заграничных командировок. Отношение его к митрополиту Николаю оставалось неизменно отрицательным. Он опровергал распространённые версии о его насильственной кончине. И как я лично убедился, серьёзные и осведомлённые люди в Москве не верят рассказам об этой не "своей смерти".

"Митрополит Николай, - рассказывал митрополит Никодим, - уже давно болел, но трудность с ним была в том, что он с одной стороны буквально "пожирал", часто без разбора, всевозможные лекарства, а с другой стороны - не доверял врачам, кроме одной женщины-врача, которая его много лет лечила. Когда после случившегося с ним инфаркта его поместили в больницу, одну из лучших в Москве, он никак не хотел, чтобы его лечили тамошние профессора. Среди них были научные знаменитости, но он требовал только его женщину-врача. Между прочим, она была верующей, ко всему прочему хорошо известным врачом в церковных кругах и у неё лечились многие из духовенства. Профессора больницы были не довольны способом лечения этой женщины-врача, считали его ошибочным, пытались вмешиваться, но всегда встречали сопротивление со стороны митрополита Николая. Результат был печальный, по мнению профессоров. При правильном лечении митрополит Николай мог бы остаться в живых. А почему его похоронили не в Москве, а в Троице-Сергиевой лавре, так ведь это было его собственное желание, не раз высказываемое им ещё при жизни".

Отзывы митрополита Никодима о личности митрополита Николая (Ярушевича), которые он мне излагал, были обыкновенно иронические: "Вы знаете, митрополит Николай был большим льстецом. Да и дамским угодником. Когда он разговаривал с дамами, у него была привычка трогать их за рукав платья. Не Вам это говорить Владыко Василий, как это неприлично для монаха и для архиерея!"

Однажды у меня был длинный спор с митрополитом Никодимом о положении Церкви в современной России. Это происходило в помещении Экзархата в Париже, наш спор продолжался до трёх часов ночи. Митрополит Никодим оспаривал точность и полноту моих сведений. Говорил, что они основаны на впечатлениях лиц, не живущих постоянно в Советском Союзе (среди них и я). Что люди посещающие страну с короткими визитами, не способны охватить страну и её проблемы в столь короткий срок, а поэтому вынесенные их поверхностные впечатления не точны в целом. В ответ на это я был вынужден сослаться на разговор мой с митрополитом Николаем в алтаре Патриаршего Собора перед литургией, на праздник Казанской Божией Матери.

К моменту нашего серьёзного разговора с владыкой Никодимом, Митрополит Николай (Ярушевич) уже скончался, и потому я мог подробно рассказать о том содержании беседы.

(Она на меня произвела тогда неизгладимое впечатление и врезалась мне в память). Реакция митрополита Никодима была неожиданной для меня: "Хорош же был Ваш митрополит Николай, - воскликнул он. - Пока он был у власти и на вершине славы, то он всюду и часто иногда без необходимости возвещал о свободе, которой пользуется Русская Церковь. Особенно он любил говорить, как она процветает. А только его затронули, и его положение поколебалось, то он начал говорить прямо противоположное. Поверьте Владыко, придёт время, когда и Вы и все поймут, что за личность был митрополит Николай и какой громадный вред он причинил Русской Церкви".

Конечно, митрополит Никодим говорил это в порыве раздражения и несдержанности, с ним это иногда случалось. Но случай этот напоминает мне ещё о другом рассказе. Вот, что мне поведал в Женеве протопресвитер Виталий Боровой: "Мне приходилось, много и часто спорить с митрополитом Никодимом (Ротовым) о владыке Николае. Я всегда защищал владыку, а митрополит Никодим - нападал. Как-то раз, раздражившись долгим спором и моей упорной защитой, митрополит Никодим подошёл к ящику письменного стола в своём кабинете, и вынул из него папку с рукописью (это происходило в Москве в кабинете Внешнего отдела): "Вот! Возьмите и читайте, и Вы увидите, что за личность Ваш митрополит Николай. Только обещайте, что никому не будете рассказывать". Я взял рукопись, напечатанную на машинке и озаглавленную "Акафист Святителю Николаю". Сверху рукою митрополита Николая надпись - "Не печатать. В случае моей смерти уничтожить". Я начал читать эту рукопись, и по началу был абсолютно уверен, что это новый акафист святителю Николаю Мирликийскому и, что он кем-то недавно составлен и был поднесён митрополиту Николаю ко дню его ангела. Но внезапно меня поразила припев акафиста "Радуйся, Николае, Церкви российския великое светило!" Что такое? Я стал вчитываться и сразу убедился, что акафист посвящён не святителю Николаю Мирликийскому, а митрополиту Николаю (Ярушевичу), бывшему Крутицкому и Коломенскому. Вся его церковная деятельность, всё его "житие", вплоть до его выступления в Париже против атомной бомбы, подробно воспеваются в икосах и кондаках акафиста! Я был поражён. Конечно, акафист написала какая-нибудь дама-психопатка, поклонница митрополита Николая (так я подумал) и в этом смысле он не ответственен за содержание акафиста. Зачем он его хранил и не уничтожил? Правда, была надпись "уничтожить в случае моей смерти". Но вообще то проще было бы самому незамедлительно уничтожить, а то невольно возникала другая мысль, что когда найдут акафист (после его кончины), то прежде чем уничтожить, обязательно всё же прочтут. Ну а потом подумают... "какой все-таки был замечательный человек митрополит Николай, как его почитали!" А надпись "уничтожить" была сделана им, чтобы его не обвинили в тщеславии"

Так рассказывал мне отец Виталий Боровой, но я должен сказать, что не вполне согласен с его рассуждениями. Акафист митрополиту Николаю, каковы бы ни были его духовные или литературные качества или недостатки, есть исторический документ. Он свидетельствует об отношении, по крайней мере, части верующих к митрополиту Николаю при жизни, а поэтому уничтожать его было бы жалко. Я надеюсь, что он сохранился.

Вот в основном, что я могу рассказать из моих личных воспоминаний о митрополите Николае (Ярушевиче). Когда я их писал, то держался принципа: "Правда. Одна, правда. Вся,

правда, мне лично известная". Не моя вина, что образ митрополита Николая вышел в моих воспоминаниях несколько противоречивым. Таким я его встречал в жизни, так - и ещё больше - отзывались мне о нём знавшие его лично. Я сознательно не пытался "синтезировать" эти противоречия или заниматься "глубинной психологией" для их объяснения. Скажу только одно, что в жизни я привык по какому-то инстинкту или интуиции, различать людей на симпатичных и антипатичных, на тех, кому можно доверять, и тех, кому нельзя.

И вот митрополит Николай для меня принадлежит к первой категории лиц: тех, кто мне симпатичны и кому я могу доверять. Я не претендую на то, что моя интуиция всегда безошибочна.

В связи с этим, в заключении моего повествования приведу рассказ о митрополите Николае моего племянника Никиты Кривошеина и его матери Нины Алексеевны, жены моего старшего брата Игоря Александровича Кривошеина. Мой брат, вернувшийся в СССР из Франции в конце 1947 года (вернее высланный французами, несмотря на активное участие в движении Сопротивления во Франции, за что был награждён французскими орденами), был арестован в 1948 году в Ульяновске (Симбирске).

До этого он пережил Бухенвальд, но на родине, будучи арестованным, его приговорили к 10 годам концлагерей как "французского шпиона". Сначала он находился в знаменитой "Шарашке", описанной Солженицыным, а потом в лагере за Иркутском. Его жена и сын долгое время оставались в полном неведении о его местонахождении. Они неоднократно письменно обращались к самым высшим инстанциям с просьбой о пересмотре его дела и освобождении моего брата, но неизменно получали отказ: "Прошение отклонено, осуждён правильно... и т.д".

Наконец кто-то посоветовал им обратиться к митрополиту Николаю как к человеку, имеющему большие связи в высших сферах и способному помочь. С помощью друзей и ходатайств им удалось получить у него аудиенцию в Москве.

Митрополит принял моего племянника и его мать в декабре 1952 года самым лучшим образом, очаровал их своею добротой и предложил им тут же составить прошение.

"Я постоянно вижусь со Шверником (в то время "президентом" Советского Союза), - сказал он, - Я ему лично передам прошение и уверен, что оно даст быстрый результат. Будьте спокойны, поезжайте обратно в Ульяновск и ждите извещения. Всё будет хорошо". Племянник сел и тут же написал прошение...

"Мне стыдно вспоминать о моей тогдашней наивности, - как мне впоследствии рассказывал Никита, - Я писал в прошении, что папа хороший, что он патриот и прочее... Я совершенно тогда не понимал, что именно за то, что он "хороший" и "патриот", его и посадили. Как бы то ни было, митрополит Николай (Ярушевич) взял прошение, прочитал, одобрил и сказал, что передаст его и надеется, что всё будет хорошо.

Мы вышли от митрополита Николая обрадованные, утешенные и в полном восторге от его обаятельной личности. С нетерпением ждали освобождения папы, но время проходило, а папа не только не возвращался, но и никакого ответа на наше прошение мы так и не получили. А между тем на все наши предыдущие прошения мы всегда получали ответ, хотя и отрицательный. Передал ли митрополит Николай прошение Швернику, как обещал? Сомневаюсь".

Митрополит Никодим (Ротов)

О митрополите Ленинградском и Новгородском Никодиме (Ротове), тогда ещё архимандрите, я впервые услышал летом 1959 года от ездившего в Москву прихожанина и вместе с тем регента и псаломщика нашей оксфордской церкви, впоследствии профессора русской кафедры одного из английских университетов Е.Е.Ламперта. До этого мне приходилось мельком читать в Журнале Московской Патриархии о пребывании и деятельности архимандрита Никодима в Иерусалиме в качестве начальника Русской Духовной миссии, но я как-то мало вникал в эти сообщения. Так вот, Е.Е. Ламперт вернувшись из Москвы, куда он ездил по литературным делам мне рассказал: "Вы знаете, во Внешнем отделе Патриархии сейчас назначен новый заместитель председателя Отдела митрополита Николая (Ярушевича) молодой архимандрит Никодим. Неприятная и противная личность".

- Он произвёл на Вас такое впечатление? - спросил я.

- Нет, я его не видел, - ответил Ламперт - но так говорят о нём в Москве в церковных кругах!

Очевидно, Ламперт слышал такие отзывы от лиц, близких к митрополиту Николаю (Ярушевичу), в то время председателю Отдела внешних церковных сношений, что указывает на то, что уже тогда между ними назревал конфликт. Как бы то ни было, рассказ Ламперта произвёл на меня впечатление, запомнился и создал предубеждение против будущего митрополита Никодима. С ним нужно быть осторожным подумал я.

Лично я впервые встретился с архимандритом Никодимом (будущим митрополитом), в июне 1960 года в Оксфорде. Я был только что назначен епископом Брюссельским и Бельгийским, до этого я был викарным епископом Западно-Европейского Экзархата с пребыванием в Париже. Фактически я ещё не успел вступить в управление Бельгийской епархией, когда получил известие о предстоящем прибытии в Англию монашеской делегации из России и одновременно пожелание Владыки Антония из Лондона, чтобы я приехал для участия в приёме делегации. Что я и сделал, отправившись из Парижа в Оксфорд. До этого я в течение восьми лет обслуживал местный оксфордский православный приход в качестве иеромонаха и архимандрита.

Монашеская делегация в составе архимандрита Никодима - главы делегации, архимандрита Филарета (будущего митрополита Киевского) и иеромонаха Варфоломея (впоследствии архиепископа Ташкентского) приехала в Англию по приглашению англиканских монашеских общин. Это был ответный визит англиканским монахам, которые до этого побывали в России (Владыка Василий не любил писать - СССР) по приглашению Московской Патриархии. Архимандриту Никодиму было тогда тридцать лет, остальные члены делегации были немного старше, но архимандрит Никодим явно занимал руководящее положение, что, в прочем было для него вполне естественным как для главы делегации.

Не буду подробно описывать двухнедельное пребывание архимандрита Никодима в Англии, это выходит за рамки настоящего рассказа, да и годы изгладили многие подробности; остановлюсь только на некоторых моментах личного характера. К нам в Оксфорд монашеская делегация прибыла в субботу 16 июня 1960 г. Они остановилась в англиканском монастыре Каули-Фаверс (здесь же остановился и я), служили воскресную всенощную и литургию в

нашей Патриаршей церкви, помещавшейся в доме святителя Григория Нисского и преподобной Макрины. Вечером за ужином, в тесном кругу, завязался разговор на экуменические темы. Милица Владимировна, жена профессора Оксфордского университета Николая Михайловича Зернова, спросила архимандрита Никодима, как он смотрит на совместную молитву с инославными и в частности с англиканцами. Ответ архимандрита Никодима был очень сдержанным и вместе с тем показательным, насколько его взгляды эволюционировали впоследствии "Каноны Православной Церкви - сказал он - запрещают всякое молитвенное общение с лицами, не принадлежащими к ней, и я строго придерживаюсь этого правила. И поскольку до сих пор не было никакого церковного постановления, я не молюсь, когда бываю в инославных храмах. Но вообще весь этот вопрос о совместной молитве и экуменизме обсуждался в Синоде. Так что будем ждать, что будет постановлено".

Ответ этот не удовлетворил присутствующих, и Милица Владимировна обратилась ко мне с вопросом: "А Вы Владыко, что думаете?" "Апостол Павел, (сказал я) пишет - Непрестанно молитесь! -Я не понимаю, почему мы должны прекратить эту непрестанную молитву, когда бываем в инославном храме! Но лично я, стараюсь молиться не совместно с инославными, но сам по себе"

"Слушайте, слушайте, что говорит Владыко!" - воскликнула Зернова. Архимандрит Никодим не возражал. Вообще он показывал уважение к моему епископскому сану и держался с некоторым смирением, хотя и с авторитетом.

Вечером в воскресенье 20 июня в саду дома святителя Григория Нисского был устроен прием, пришло много народу, преимущественно англичане, среди них оксфордский епископ Карпентер, профессор университета, и много других гостей. Все три члена монашеской делегации выступили с автобиографическими речами на русском языке, тут же это переводилось на английский. Они рассказывали свой жизненный путь, кто они такие и прочее. Архимандрит Никодим, да и другие, говорили довольно гладко и сравнительно интересно. Я сказал об этом проф. Н.М. Зернову. "Да это так, - ответил тот, - но очень они это примитивно выражали. По-мужицки!" Академическому, профессорско-студенческому нашему приходу, да и вообще англичанам, было не так легко угодить.

На следующий день наши гости уезжали в Лондон. И тут возник серьёзный вопрос с транспортом. Дело в том, что архимандрит Никодим категорически заявил, что он не согласен, чтобы водителями (шофёрами) на предоставленных делегации машинах были женщины. Англичане ответили, что это (в оригинале с правками Владыки текст не читаемый)....был неумолим. Один из гостей сказал: "У нас есть насчёт этого категорическое предписание из Патриархии, я не хочу попасть в скандал, чтобы нас потом сфотографировали и говорили, что мы разъезжаем с женщинами!"

Думаю, что такая психология объясняется незнанием условий западноевропейской жизни, а отчасти просто нравами тогдашней Русской Церкви. Своего рода провинциализмом, ведь это было, чуть ли не первое путешествие архимандрита Никодима на Запад. Во всяком случае, впоследствии архимандрит Никодим "развился" и совершенно потерял свои предубеждения против женщин - шофёров.

Я тогда тоже поехал в Лондон, если не ошибаюсь, в одной машине с ним и с архимандритом Филаретом. По дороге много беседовали о религиозной жизни в России, о

положении Церкви и т.д., но сдержанно и довольно поверхностно. И он, и я избегали острых вопросов: я, - не желая при первом знакомстве ставить его в трудное положение, он - по свойственной ему осторожности и сдержанности. Среди другого он спросил меня "Почему Владыка Антоний (Лондонский) упорно отказывается посетить Москву, когда его приглашает Патриархия?" Я, ответил, что епископ Антоний боится своих прихожан, они будут его обвинять в "советофильстве", а есть и такие что отпадут к карловчанам. "Пускай Владыка Антоний не боится! - воскликнул архимандрит Никодим, - он не вернётся из Москвы большевиком".

В субботу - воскресенье (25-26 июня) владыка Антоний, я и вся монашеская делегация служили вместе всенощную и литургию в лондонском Патриаршем приходе. Особых воспоминаний у меня от этой службы не сохранилось, кроме того, что на ней хорошо проповедовал архимандрит Филарет. Почему не проповедовал сам архимандрит Никодим (как глава делегации) мне сказать трудно.

Уже через несколько дней после этого монашеская делегация вернулась в Москву, а я уехал в Париж, откуда вскоре отбыл в Брюссель. В Бельгии я пробыл недолго и 16 июля вылетел через Париж в Москву, куда был приглашён Московской Патриархией на праздник Преподобного Сергия. Подводя как бы итоги нашей первой встречи с архимандритом Никодимом, я могу сказать, что он произвёл на меня впечатление неглупого и способного человека, средне культурного и богословски образованного, интересного собеседника, но мне и в голову не приходила (тогда) его дальнейшая блестящая и головокружительная церковная карьера и даже то, что он может быть в ближайшее время хиротонисан во епископы. Он мне казался для этого слишком молодым. Вообще я должен признаться, что во многом недооценил тогда его умственные способности и даже душевные качества. Создались ли между нами в результате нашей встречи личные дружественные и откровенные отношения ? И да, и нет, отвечу я и ответ этот будет верен для всего периода наших отношений, с той только большой разницей, что если тогда "нет" преобладало над "да", то впоследствии и чем далее, тем более это "да" перевесило "нет". Но всецелого "ДА" мы так никогда и не достигли...

Ещё до отлёта моего в Москву (проездом через Париж) нас всех потрясли неожиданные известия. По непонятным для нас причинам митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), второй человек после Патриарха Алексия и его общепризнанный преемник, всемирно известный своей деятельностью, был уволен 21 июня 1960 года от должности Председателя Отдела внешних церковных сношений и на его место назначен архимандрит Никодим. Более того, 10 июля, он был хиротонисан во епископа Подольского, викарного Московской епархии. И всё это происходило в то время, когда он с делегацией находился в Англии. Получается, что его назначение на должность председателя "иностранного отдела" произошло за восемь дней до отъезда в Лондон. Знал ли он о своём назначении? Трудно сказать, вероятнее, что да, но, во всяком случае, он о нём молчал и не делал на него ни малейшего намёка.

В Париже в нашем Экзархате, отставка митрополита Николая вызвала большую тревогу, и хотя смысл и обстоятельства её были не вполне ясны, чувствовалось, что наступает какая - то беда для Церкви. И это ощущение оказалось верным! Начиналось хрущёвское гонение, оно

началось на полгода ранее, но мы в Париже тогда этого не знали. Увольнение митрополита Николая было только его ярким проявлением.

О моей поездке в Россию с 16- 30 июля 1960 года и о моих встречах, разговорах с епископом Никодимом я уже писал и не хочу их здесь повторять, хотя для характеристики его они дают яркий материал. (См. "Воспоминания о митрополите Николае (Ярушевиче)")

Вернувшись в Париж после поездки, я сделал в Экзархате подробный доклад о моих впечатлениях, о состоянии Церкви в России и о моих разговорах с митрополитом Николаем и епископом Никодимом. Известия о хрущёвском гонении, о котором на Западе в это время почти ничего не знали, всех в Экзаршем совете огорчило, а рассказы о моих встречах с епископом Никодимом усилили у нашего Экзарха отрицательное и даже враждебное чувство к его личности (которое впрочем, он имел и до этого). Скажу прямо, лично я этого чувства не мог вполне разделить. Конечно, роль епископа Никодима представлялась довольно некрасивой, ибо даже если он активно не участвовал в советской акции увольнения иерарха (а это наиболее вероятно в результате его пребывания в Англии), то он тем не менее и несомненно облегчил Куроедову и компании выполнение их намерений т.е. дав согласие занять место увольняемого митрополита. И Куроедов явно знал это заранее, знал также, что найдёт в лице епископа Никодима человека, более приемлемого для новых властей, чем митрополит Николай. Критика епископа Никодима в адрес уволенного митрополита Николая оправдывала во многом перед общественностью этот шаг. Тем не менее, объективность требует признать, что в этой критике личности и деятельности митрополита Николая епископ Никодим был во многом прав.

Одна небольшая поправка к этому необходима, митрополит Николай, несмотря на все свои человеческие немощи, был очень талантливым образованнейшим человеком, выдающимся иерархом большого ума и обаятельной личностью! И самое главное, он был уволен вовсе не из-за своих личных или административных недостатков, а по требованию Советских властей, недовольных его борьбой с безбожием и его сопротивлением хрущёвским гонениям.

Епископ Никодим в будущем исполнил своё обещание, данное мне при нашем знакомстве и встречах, он был всегда доброжелательно настроен к Западно-Европейскому Экзархату и своё обещание держал.

Тяжёлым камнем лежало, однако, на всех нас его вероятное участие в удалении митрополита Николая.

Следующая встреча моя с епископом Никодимом произошла в Париже в ноябре 1960 года, куда он приезжал для участия в хиротонии во епископа Медонского архимандрита Алексия (Ван дер Менсбрюгге). Держал епископ Никодим себя скромно и ничем особенно не выдавался. Вполне естественно, - он был ещё только викарным епископом подольским. В алтаре он мне сказал, что осенью 1961 года состоится Всеправославное совещание на острове Родос и, что я буду назначен Патриархией, наряду с ним, быть представителем Русской Православной Церкви на этом Совещании.

"Мы очень оценим, - добавил он, - Ваше участие в Совещании как человека, хорошо знающего греческий язык и вообще хорошо знающего греков, как прожившего много лет на

Афоне. Надеюсь, мы будем сотрудничать по братски. "Я ответил, что он может на это рассчитывать и, что я сделаю всё, что в моих силах, на благо Церкви.

И действительно я получил приглашение из Патриархии прибыть на Родосское совещание и в двадцатых числах сентября 1961 года вылетел из Парижа в Афины. Здесь я и встретился с владыкой Никодимом, незадолго до того возведённым в сан архиепископа Ярославского и Ростовского, а также с другими членами нашей делегации (епископом Алексием Таллинским, протопресвитером Виталием боровым и т.д.) непосредственно прибывшими из Москвы.

Должен заметить, что ещё до моего выезда раздался звонок А.С.Буевского (Моск. Патриархия) в Париж нашему Экзарху, владыке Николаю. Буевский спросил, будет ли приемлемо для меня, если во главе делегации будет поставлен архиепископ Никодим? Вопрос этот объясняется тем, что архиепископ Никодим был моложе меня и по епископской хиротонии, и по возведению в сан архиепископа, но вместе с тем ещё не был постоянным членом Синода, что давало бы ему старшинство. Владыка Экзарх, поговорив со мной, ответил от моего имени, что для меня это вполне приемлемо, ни за каким первенством я не гонюсь и даже считаю вполне нормальным, что во главе делегации будет человек непосредственно из Патриархии, знающий лучше меня настроения современной Русской Церкви и решения Синода в связи с Всеправославным совещанием. "Во всяком случае, - добавил Буевский - архиепископ Никодим будет во всём, совещаться с Владыкой Василием и действовать совместно с ним".

Действительность, однако, показала, что совместная работа с архиепископом Никодимом, оказалась очень трудной. Объясняю это главным образом тогдашней его молодостью, ему было менее 32 лет. Сказывалась неопытность, и даже незрелость. (Уже гораздо позже на встречах, Всеправославных совещаниях мы работали дружно и по- братски) А сейчас он чувствовал себя, очевидно непрочно в новой для себя роли главы столь представительной делегации, может быть, боялся, что я займу его место и поэтому хотел всячески показать свою власть! Старался вести все переговоры с греками сам, даже не уведомляя меня об их содержании. Однако он недостаточно знал по-гречески; болтать на простые житейские темы он научился в свою бытность в Иерусалиме, но вести богословский разговор или понимать богословский доклад он был не в состоянии. (Это он сам признавал), Несмотря на это он почему то избегал моей помощи в переводе, видимо чтобы не допустить меня к своим переговорам с греками, и пользовался переводчиком Моск. Патриархии Алексеевым, который знал только английский язык и почти был не знаком с богословскими терминами. Всё это началось ещё на пароходе, который вёз нас из Пирея на Родос. Архиепископ Никодим вел во время этого путешествия долгие переговоры с двумя греческими "тузами" константинопольской делегации, митрополитами Мелитоном Халкидонским и Хризостомом Мирликийским (Константинидисом). Переводил Алексеев, ни я, ни епископ Алексей Таллинский не приглашались. По прибытии на Родос я заявил архиепископу Никодиму: "Владыко, Вы всё время ведёте какие-то переговоры с греками, о которых я даже не осведомлён. Это неудобно, я такой же член делегации, как и Вы".

"Вы не правы, - ответил архиепископ Никодим, - это частные закулисные разговоры, каждый имеет право их вести". Я рассказал об этом другому члену нашей делегации, епископу

Алексию. Он тоже был недоволен образом действия арх. Никодима. "Но Вы Владыко, имеете передо мной то преимущество, что можете выказать Ваше недовольство Никодиму, а я не могу" - заметил он.

На том же пароходе, неожиданно, ко мне подошёл член болгарской делегации, епископ Парфений, большой ревнитель Православия и вместе с тем противник архиепископа Никодима.

"Вы знаете - сказал он мне, - что вчера арх. Никодим говорил нам (болгарской делегации) против Вас! Говорил, что с Вами нужно быть очень осторожным, ничего Вам не рассказывать, так как Вы человек Западной формации и сказанное Вам станет всем известным". "Может быть, - ответил я, - но я никогда не говорю, кто мне это сказал".

Нужно сказать, что на образ действий арх. Никодима оказывал большое влияние и давление член нашей делегации служащий "иностранный" Отдела Патриархии, некто И.В. Варламов, пренеприятная и нахальная личность. Видимо он был чекист, во всяком случае, присланный органами советских властей, чтобы наблюдать за действиями архиепископа Никодима и прочими членами делегации. Он всё время занимался пропагандой и рекламой советских порядков, а с нашими архиереями говорил, почему- то в начальническом тоне. Со мною он был корректен, хотя относился ко мне с трудно скрываемым подозрением. Как бы то ни было, я решил после моего разговора с архиепископом Никодимом ни во что самому не вмешиваться, никаких услуг не предлагать, а оставить архиепископа выпутываться самому, как он хочет.

И такой образ действия принёс свои плоды, архиепископ Никодим был вынужден обращаться ко мне. Так на одном из первых заседаний Совещания, вернее даже перед началом его, он неожиданно даёт мне длиннейший документ на многих страницах и говорит: "Это официальная позиция Русской Православной Церкви по всем вопросам, касающимся Всеправославного Совещания. Я буду читать его по-русски абзацами, а Вы переводите по-гречески". Я мог бы, конечно возразить, что нельзя передавать такой важный документ в последний момент. Как член Московской Патриархии я должен быть заранее осведомлён и ознакомлен с ним, и то, что Вы от меня до сих пор его скрывали, некорректно. К тому же очень трудно и утомительно синхронно переводить текст такого сложного богословского содержания без предварительного с ним ознакомления....а поэтому (я подумал), обращайтесь к Вашему официальному переводчику Алексееву, он будет переводить на английский, а кто-нибудь из греков переведёт с английского на греческий. Но я не стал пререкаться с арх. Никодимом и согласился помочь ему переводом, сказав только, что сходу переводить трудно. На что он мне ответил "Ничего, я уверен, Вы справитесь". И действительно с Божией помощью я справился! Архиепископ Никодим это оценил и даже любил впоследствии рассказывать как точно я переводил, так как присутствующий на выступлении профессор Халкинской Богословской школы Фотиадис (знавший по-русски) имевший под руками текст выступления в оригинале, выражал удивление синхронности перевода и его правильности.

Что касается самого содержания выступления арх. Никодима то оно носило, в общем, безупречно православный характер, ставило ряд вопросов важных для жизненных интересов Православия, отстаивало интересы Русской Православной Церкви в рамках всеправославного единства. К сожалению, там была и политическая часть с обычными полемическими выпадами

против империализма, колониализма и т.д., сопровождаемыми очень резкими выражениями. Переводя эту часть доклада, я эти резкости систематически опускал. Архиепископ Никодим этого не заметил, но я ему сам потом сказал об этом: "я это сделал потому, что иначе Ваш доклад произвёл бы неблагоприятное впечатление" В ответ он сделал недовольную мину, но ничего мне не сказал. Он был достаточно умён, чтобы понять, что я говорю правду.

Другой острый вопрос возник ещё в связи с обсуждением программы будущего Всеправославного Собора. Там был пункт: Атеизм и борьба с ним. Был ещё пункт: Массонство и отношение к нему. Вопрос об атеизме и особенно о борьбе с ним обеспокоил арх. Никодима и ещё более "официального представителя "иностранного отдела" Варламова, так как он придавал ему политический характер как подспудному предлогу для борьбы с СССР и с советской властью. Поэтому арх. Никодим вдруг стал энергично хлопотать, но не на общих заседаниях Сопещания, а в комиссиях, чтобы этот вопрос был снят с программы Собора и даже вообще не обсуждался на пленарных заседаниях.

Неожиданно Он встретил решительного противника в лице Митрополита Алеппского Илии, в будущем Патриарха Антиохского. Последний горячо заявлял - я сам был тому свидетель, что борьба с атеизмом есть одна из главных задач нашего времени, и что архиерейская совесть не позволяет ему, чтобы этот вопрос был, вычеркнут из программы будущего Собора. И, тем не менее архиепископу Никодиму удалось (не знаю каким способом) переубедить Митрополита Илию, и он замолчал. Вероятно, арх. Никодим говорил ему, что обсуждение вопроса о борьбе с атеизмом может вызвать репрессии против Русской Православной Церкви и сделает невозможным её участие на предстоящем соборе. Вероятно эти же "веские" аргументы подействовали и на других участников Сопещания, и вопрос об атеизме был просто, вычеркнут из программы, без всякого обсуждения на пленарных заседаниях.

Что же касается массонства - "то его в современной России нет, оно нам неизвестно, массонство существует только на Западе, следовательно, это вопрос не обще православного интереса, (а только местного) и потому его не следует помещать в программу обще православного Собора". Так убеждал архиепископ Никодим, и его послушались. Вообще его больше интересовали церковно-практические вопросы (юрисдикция, константинопольские притязания, автокефалия и т.д.) нежели чисто богословские. Поэтому он предложил мне участвовать в богословской комиссии, где, в сущности никаких острых вопросов не было. Характерным эпизодом была пресс-конференция архиепископа Никодима. Активным организатором был всё тот же Варламов. Его "тактика" была цинично простая. "Мы предложим слушателям,- говорил он нам громко и не стесняясь, - побольше бутербродов с икрой, затем водки тоже побольше, и когда хорошенько нажрутсЯ и напьются, тогда и начнём говорить. Так они лучше воспримут..." На пресс- конференцию я не пошёл, да архиепископ Никодим меня специально на неё и не приглашал. Передавали, что он говорил неплохо и находил всегда, что ответить, правду или неправду - это другой вопрос. А когда один западногерманский журналист спросил его, правда ли, что между Московской и Константинопольской Патриархиями натянутые отношения, он резко ответил: "Вы это спрашиваете, потому что желаете, чтобы эти отношения продолжали быть натянутыми и стали ещё хуже. Должен вас разочаровать, Вы этого никогда не дождётесь. Если между нашими Патриархатами и возникают иногда разногласия, то мы их братски улаживаем путём взаимных

переговоров, а в будущем надеемся достигнуть полного единомыслия. "Такого рода ответы очень нравились грекам, и они начали провозглашать архиепископа Никодима "великим дипломатом".

В конце Совещания архиепископу Никодиму ещё раз пришлось прибегнуть моей помощи. К нему обратился священник Сергей Хейц с просьбой принять его в юрисдикцию Московской Патриархии. В Константинопольскую его упорно не принимали по сложным каноническим причинам. Отец Хейц не был участником Всеправославного совещания, но приехал специально на Родос, чтобы встретиться и поговорить с архиепископом Никодимом, который и вёл с ним переговоры при помощи переводчика Алексеева. Но скоро они совершенно запутались и зашли в тупик, так как Хейц не знал по-английски, а Алексеев по-французски. Пришлось позвать меня на помощь.

Молодой, полный сил и энергии Владыка Никодим не ходил, а почти бегал по коридорам и помещениям, где происходило наше Совещание, так что я с трудом за ним поспевал. Я ему заметил: "Владыко, не бегайте так. С греческой точки зрения это неприлично для архиерея. Архиерей должен ходить важно, медленно, степенно. А то Вас будут осуждать!" Но архиепископ Никодим не придал значения моим словам. Тридцать лет спустя, в июне 1973 года, после пережитого им первого инфаркта, я встречал его в брюссельском аэропорту, и на этот раз он шёл так медленно, что я должен был всё время замедлять шаг, чтобы не оставлять его позади. Я напомнил ему наш разговор на Родосе и как я советовал ему не бегать. "Да. Вы совершенно правы, - ответил он, - и теперь доктора запрещают мне быстро ходить." Отмечу ещё его умение разговаривать с людьми совершенно отличного от него духа. Тогда, на Родосе присутствовал в качестве корреспондента некий священник из Америки о. Георгий, фанатичный карловчанин и враждебно настроенный против Московской Патриархии и архиепископа Никодима в частности. По просьбе этого священника он был принят наедине архиепископом Никодимом, не знаю, что и как тот ему сказал, но о.Георгий в результате разговора попросил у него благословения и потом в Париже рассказывал, что встретил в лице Владыки Никодима подлинного архиерея. Наряду с такой психологической тонкостью в разговорах с совершенно иногда чуждыми ему людьми, не могу умолчать об одном эпизоде, свидетельствующем о некоторой незрелости архиепископа Никодима в ту эпоху.

Когда мы ещё плыли на пароходе на Родос, помню, архиепископ Никодим и архимандрит Пётр (Люлье, будущий епископ Корсунский в Париже) сидели на палубе, громко разговаривали и хохотали. Отец Пётр издевался над нашим Экзархом в Париже, митрополитом Николаем (Ерёминым), изображая его как грубого, невежественного человека, как он выражался - "казака" ...а архиепископ Никодим громко хохотал. Так как отец Пётр в то время плохо говорил по-русски, а владыка Никодим недостаточно владел греческим, они попросили меня переводить их разговор (я сидел недалеко от них). Я начал было переводить, но быстро убедился, что разговор продолжает носить недопустимый характер издевательства над нашим Экзархом, да ещё во всеуслышание, прекратил переводить. Со стороны владыки Никодима здесь проявилось отсутствие чувства ответственности и сдержанности - качеств, которыми он стал обладать впоследствии, а о. Пётр знал, наверняка, что его разговор понравится архиепископу Никодиму. И как ни странно, несмотря на все трудности совместной (первой) работы с владыкой Никодимом, на его неопытность и самоуверенность, на его страх перед приставленным к нему Варламовым, его боязнь "провалиться" в глазах советских властей (не

оправдать их доверие) что касалось его первого "выступления" во Всеправославном масштабе... я готов признать, что он авторитетно, твёрдо, умело и вместе с тем тактично защищал на Родосе дело Православия в целом и достоинство РПЦ в частности. Особенно, что я оценил тогда, как он твёрдо противостоял притязаниям Константинополя на почти что "папский" примат, на его попытки монополизировать дело подготовки и созыва Собора. Он это проводил твёрдо по существу, но мягко и тактично по форме, так что единство Православия не только не было нарушено, но вышло даже усиленным. Среди греков, хотя и не всех, он приобрёл авторитет и уважение.

Следующая моя встреча с владыкой Никодимом произошла уже летом 1962 в Париже, куда он приехал на сессию Комитета Всемирного совета Церквей. Находившийся в то время в Париже С.Н.Большаков, человек с большими связями и с которым я был хорошо знаком по Оксфорду, (мы были соседями), предложил мне устроить встречу между архиепископом Никодимом и кардиналом Тиссераном, с которым сам Большаков был в хороших отношениях. Тиссеран отдыхал в то время во Франции, в Лотарингии, недалеко от города Мец, откуда был сам родом. Я был тоже с ним знаком и поэтому ответил Большакову, что в это дело не хочу вмешиваться, не знаю согласится ли архиепископ Никодим на подобную встречу так как вопрос мог быть для него довольно деликатный. Я предложил Большакову, если он хочет устроить встречу, самому поговорить с арх.Никодимом. Большаков так и сделал и... владыка Никодим охотно согласился на знакомство и встречу с кардиналом Тиссераном. И действительно, после окончания сессии Комитета 18 августа 1962 года архиепископ Никодим и я, никем не сопровождаемые и никому ничего не говоря, выехали поездом в Мец.

На вокзале в Меце нас встретил шеветоньский иеромонах о.Фёдор Штротман, и мы с ним отправились на квартиру друзей Большакова, где нашли кардинала Тиссерана. самого Большакова и ещё несколько католических духовных лиц. Нас ждали с обедом, но мы, архиепископ Никодим, кардинал Тиссеран и я, пошли сначала в соседнюю комнату поговорить. Большаков был ужасно огорчён, что его не пригласили присутствовать на беседе, он несколько раз стучался и врывался в дверь, говоря, что нас, ждут к обеду, но я твёрдо отвечал: "Пусть ждут". Мы как-то, не сговариваясь, сразу перешли к делу, к вопросу о посылке наблюдателей на Ватиканский собор, который должен был открыться через два месяца. Архиепископ Никодим сказал, что этот вопрос ещё не решён РПЦ, но что прежде чем принять то или иное решение, Патриарх и Синод должны знать, чем будет заниматься предстоящий Ватиканский Собор. Какова будет его программа и каковы задачи? Не будут ли на нём приняты решения политического характера в духе холодной войны, которые сделают присутствие на нём наблюдателей от Русской Церкви невозможным, и они будут вынуждены уйти? И лучше совсем не посылать никого, чем послать, а потом уйти и это меньше нарушит отношения между нашими Церквями. Кардинал Тиссеран ответил: "Никакого политического характера Собор не будет иметь и никакой политической борьбы против советской власти Собор вести не намерен. Правда, я не могу ручаться, что среди многочисленных епископов и участников Собора, не найдётся несколько человек, которые попытаются это сделать. Мы не можем им этого запретить, каждый свободен, говорить, что хочет. Попробуем их отговорить, от этого и Собор как таковой по этой линии не пойдёт. Скажу для примера, что в своих проповедях я вообще никогда не говорю о советской власти или о коммунизме, ещё реже о марксизме, зато постоянно выступаю против атеизма. Так и на Соборе будут говорить об атеизме, а не о

советской власти" "Это ваше полное право, - ответил архиепископ Никодим, - против этого мы совсем не возражаем, наоборот. Нам только важно чтобы Собор не провозгласил крестового похода против коммунизма и советской власти. Ваши заверения нас скорее успокаивают".

Архиепископ Никодим был явно доволен, разговор прекратился, мы перешли в соседнюю комнату обедать. За столом мы больше не касались будущего Ватиканского собора и общецерковных тем вообще. Несмотря на всеобщее любопытство и в частности Большакова мы совсем не раскрывали сути наших переговоров происшедших наедине.

Помню, как за столом архиепископ Никодим высказывался против женатого духовенства, он его не любил, я возражал, а кардинал соглашался с владыкой. Здесь уже стали проявляться его католические симпатии. В тот же день мы с архиепископом вернулись поездом в Париж, и попали к началу всеобщей на Преображение. И действительно, как следствие этой встречи архиепископа Никодима с кардиналом Тиссераном, наблюдатели Русской Православной Церкви два месяца спустя прибыли на ватиканский собор.

Следующая моя встреча с владыкой Никодимом, незадолго до этого возведённым в сан митрополита, назначенного Минским и Белорусским, состоялась на Втором Родосском совещании в конце сентября 1963 года. Митрополит Никодим приехал на этот раз из Москвы один, его не сопровождали ни переводчики, ни какие бы то ни было "Варламовы". Я был вторым представителем Русской православной Церкви, других не было. Скажу прямо, весь его образ действия, манера держаться по отношению ко мне резко отличались от того как он действовал на Первом Родосском совещании. Он знакомил меня заранее с документами, советовался со мной, привлекал к переговорам с греками (даже "закулисным", как он их называл). Сохранилась фотография, где мы сидим впятером за отдельным столиком - митрополит Никодим, митрополит Мелитон Халкидонский, председатель Совещания, митрополит Юстин Ясский, ещё один константинопольский митрополит и я - и живо обсуждаем между собой программу Совещания. Чем объясняется такая перемена в поведении Владыки Никодима, точно сказать трудно, может быть, тем, что он был один и никто за ним не "наблюдал", но это объяснение мне кажется недостаточным. Скорее в нём самом произошла, какая - то внутренняя перемена, во всяком случае, в дальнейшем у меня не было с ним серьёзных трудностей.

Второе Родосское Совещание, в отличие от Первого, было малочисленным, и главным пунктом программы была посылка наблюдателей на недавно открывшийся Ватиканский Собор. Кроме того Константинополем был выдвинут новый вопрос о начале богословского диалога с Римом. По вопросу о наблюдателях возникло много разногласий между Церквами большинство было против. В большой степени благодаря стараниям митрополита Никодима был найден компромисс. Решено было, что за каждой поместной Православной Церковью признаётся право посылать или не посылать наблюдателей. Владыка Никодим даже настоял на том, чтобы наблюдатели были бы не в епископском сане, так как положение наблюдателя несовместимо с епископством. Это свидетельствует о том, что в то время митрополит Никодим держался умеренных взглядов по отношению к римо-католикам. Относительно диалога с Римом было достигнуто принципиальное согласие, но так как этот вопрос не стоял в программе конференции, было постановлено передать решение на следующее Всеправославное совещание в будущем году. Не обошлось без трудностей в обсуждении

проблемы, а именно со стороны митрополита Ловчанского Максима (будущий Патриарх Болгарский). Он затруднялся принимать решение, которое предварительно не обсуждалось, и не было одобрено Болгарской Церковью. Он то и дело вскакивал с места, подвигался к митрополиту Никодиму и шептался с ним. Владыка Никодим советовал, настаивал согласиться, говоря, что решение только принципиальное. Наконец даже раздражился и митрополит Максим уступил! (потом митрополит Никодим говорил мне о своём недовольстве поведением митрополита Максима - "Это неприлично", - сказал он .

К сожалению, благоприятное впечатление от митрополита Никодима и его инициативного действия на Всеправославном совещании, у меня было испорчено. Произошло это в результате последнего разговора, который мне пришлось иметь с ним всецело начатый по его же инициативе. Дело в том, что в течении работ Совещания я избегал ставить митрополиту Никодиму какие бы то ни было вопросы о положении Церкви в России. (Сам митрополит этих разговоров никогда сам не подымал) Лично я не хотел ставить его в трудное и неловкое положение, не заставляя его говорить неправду. Однако по окончании Совещания нам пришлось вместе поехать в афинский аэропорт, он летел в Москву, я в Брюссель. Нас никто не сопровождал, мы были вдвоём, и неожиданно нам пришлось ждать несколько часов отлёта наших самолётов. И вдруг митрополит Никодим по своей инициативе и без всякого повода с моей стороны начал мне рассказывать о положении Церкви в современной России. "Я знаю, - сказал он, - что у вас на Западе сложилось убеждение, что в Советском Союзе происходит гонение на Церковь. (А это было как раз во времена хрущёвского правления и всяческого гонения, когда церкви закрывались тысячами - прим. А.В) На самом деле, это не так! Неправильно говорить о закрытии приходов. То, что происходит нужно назвать словом "перераспределение" или укрупнением самих приходов ради пользы церковной жизни. Например, бывает, что иногда в сравнительно небольшой местности действуют две церкви, рядом одна с другой на расстоянии нескольких сот метров. Это нецелесообразно! Одна церковь даже мешает другой, поэтому мы объединяем оба прихода и потому приходится закрывать один из храмов. Бывает, что где-нибудь в сельской местности действует храм, а прихожан и верующих очень мало, они не могут ни содержать духовенство, ни отремонтировать храм и даже сами просят его закрыть. Тоже самое происходит и с семинариями. Некоторые из них, как Вы, наверное, знаете, закрылись, но это потому, что в них не поступало достаточное количество семинаристов, они пустовали. После войны 45 года был процесс, когда был большой недостаток в духовенстве, тогда открыли много семинарий ... ну, а сейчас духовенства много, нет необходимости в стольких семинариях..."

До сих пор я слушал молча, а тут не выдержал! И сказал, что не могу поверить, что у нас достаточно духовенства и поэтому не нужно семинарий. Наоборот я слышал что некоторые пастыри Церкви просили открыть новые семинарий. Не помню, что ответил митрополит Никодим, кажется нечто невнятное. Недоумеваю до сих пор, почему митрополит Никодим счёл нужным дать мне столь неправильную информацию о Церкви в России? Допустим даже, что отдельные случаи закрытия церквей по указанным им причинам (две церкви рядом или мало прихожан для их содержания?) и бывали, но это единичные случаи. А на деле происходило массовое насильственное закрытие приходов, уничтожение храмов (около половины существующих) и т.д. Я мог бы понять, если бы митрополит Никодим говорил эту ложь публично, на пресс-конференции, но почему он говорил это мне наедине? Неужто он

думал, что я ему поверю? Единственное объяснение, что ему было так приказано в Москве у Куроедова и он счёл "благоразумным" исполнить предписанную "информацию".

Весной 1964 года приезжал из Берлина Экзарх Средней Европы архиепископ Сергей (Ларин), красочная личность, бывший обновленческий епископ, принятый в Патриаршую Церковь как простой монах и только потом вновь хиротонисанный во епископы. Он был человек с крупными коммунистическими связями, но, тем не менее, независимый и осведомлённый. Я был тогда в Париже, виделся с ним, но мы с ним разговорились только в аэропорту Бурже, пришлось ждать самолёта (как и с митрополитом Никодимом). Более часа мы с ним провели в интереснейшей беседе с глазу на глаз. Владыка Сергей с большой откровенностью стал рассказывать о происходящем в России, как за последние годы усилились гонения на Церковь, массовом закрытии храмов, насилиях, арестах и т.д. "Кто же главный виновник этих гонений?" - спросил я. "Хрущёв, - категорически ответил архиепископ Сергей. - Это всецело его дело".

И тут же он самым резким образом начал критиковать Хрущёва не только за его антицерковную политику, но и за всё его управление. Затем он продолжил: "Я знаю благодаря моим связям, что против него всеобщее недовольство и даже в высших сферах. Так долго продолжаться не может. Должна быть перемена". Помню, как я был поражён смелостью, с которой "советский" архиерей высказывается о главе советского правительства, это был единственный случай такого рода, с которым мне пришлось вообще сталкиваться. А впоследствии я поражался. Как он предсказал падение самого Хрущёва за шесть месяцев до того, как оно случилось. Но наиболее ценным для меня было его указание на Хрущёва, как на главного виновника гонения на Церковь. Мы тогда хорошо видели, что происходит нечто ужасное, настоящее уничтожение остатков выжившей в Советском режиме Церкви, но какова роль самого Хрущёва, было нам тогда не ясно. Во многом мешала его репутация, как антисталинца и либерала "оттепели", а тут владыка Сергей сказал всё прямо и без обиняков. Спасибо ему! Я ещё спросил его: "Вы так говорите. А вот митрополит Никодим был недавно на Западе и дал интервью, что никаких преследований веры и Церкви нет в России." "Как ему не стыдно воскликнул в ответ архиепископ Сергей, - как он себя этим унижает! Если ты уже не можешь сказать правду, то молчи. Зачем давать интервью. Я никогда не даю интервью".

В течение 1964 года мне пришлось ещё несколько раз встречаться с владыкой Никодимом (уже митрополитом Ленинградским и Ладужским, а вскоре "и Новгородским"). Мы встретились в марте в Голландии, в Дрибергене, где происходила какая-то не то экуменическая, не то миротворческая конференция. Он меня вызвал на эту конференцию повидаться с ним и я приехал вместе с игуменом (впоследствии архимандритом) Корнилием. Во время нашей встречи с владыкой Никодимом, игумен Корнилий показал ему газету, где впервые были опубликованы обращения верующих из Советского Союза о преследованиях в Минской области и особенно в Почаеве.

Митрополит Никодим бегло просмотрел текст и вдруг совершенно растерялся, потерял своё обычное самообладание, по всему стало ясно, что текст этот он видит впервые. "Да, это нужно проверить...- насколько это, правда и как попало за границу", - несвязно говорил он, а потом взял документ и удалился. Вернувшись через несколько часов, он уже совершенно спокойно говорил: "Всё это антисоветская пропаганда в атмосфере холодной войны, а скорее

просто фальшивка сфабрикованная на Западе. В ней масса неточностей и неправды, не надо этому верить!"

В конце сентября того же года Патриарх Алексей совершал по приглашению Англиканской Церкви поездку в Англию в сопровождении целого ряда лиц и во главе с митрополитом Никодимом. Чтобы встретиться с Патриархом я тоже поехал в Лондон. Здесь я был принят Патриархом, несколько раз говорил с митрополитом Никодимом.

В Лондоне на Темзе в день Богоявления Господне был совершён православными крестный ход и крещенское волосвятие, имевшее характер своего рода протеста и демонстрации против гонений на Церковь в Советском Союзе. Наш Экзарх архиепископ, впоследствии митрополит, Антоний возглавлял богослужение.

Протоирей Сербской Церкви Владимир Родзянко произнес пламенную речь о преследовании Церкви (сам владыка Антоний ничего не говорил). Об этом богослужении было заранее написано в газетах, посему собралось множество народу и вообще всё дело сильно на шумело. Понятно, что вся эта демонстрация очень не понравилась большевикам, которые стали давить на Московскую Патриархию, чтобы экзарха Антония сместили с его поста. Патриархия долго не хотела вмешиваться, но, наконец, уступил с решением всё обставить "приличным образом".

Дело облегалось для них тем, что у владыки Антония при всех его выдающихся личных качествах как пастыря и проповедника, умеющего привлекать людей к Церкви, были крупные административные недостатки (он не отвечал на письма , не ездил в Париж и запустил там все дела Экзархата, так что целый поток жалоб шел из Парижа в Моск. Патриархию). Однако в самой Англии дела у владыки Антония шли хорошо. Причина, по которой Куроедов требовал его удаления, крылась совсем в другом. Как бы то ни было, патриаршая делегация со Святейшим во главе отправилась в Лондон с намерением предложить архиепископу Антонию добровольно подать в отставку от должности Экзарха (оставаясь правящим архиереем в Англии). Об этой поездке узнал в Женеве наш представитель при Всемирном совете Церквей отец Виталий Боровой и страшно обеспокоился! Он подсел на самолёт Патриарха в Женеве (где он посещал Всемирный совет Церквей) и как мне рассказывал сам о.В. Боровой, всю дорогу вел разговор с владыкой Никодимом. Он убеждал митрополита Никодима не настаивать на увольнении архиепископа Антония, так как тот пользуется огромной популярностью на Западе, в инославных и экуменических кругах, не говоря уже о православных. Отец Виталий говорил, что эта отставка нанесёт громадный вред Московской Патриархии и будет воспринята как (именно!) гонение на Церковь. "Мне удалось убедить владыку Никодима. Он обещал не вмешиваться в это дело, во всяком случае не настаивать на увольнении архиепископа Антония", - рассказывал мне о. Виталий.

По-видимому, митрополит Никодим исполнил своё обещание и не вмешался. Накануне отъезда из Англии Патриарх принимал вечером, в присутствии митрополита Никодима, архиереев нашего Экзархата по отдельности. Когда он принял меня, я вручил ему письмо от нашего парижского архимандрита Дени Шамбо. Не читая его, Патриарх спросил: "Скажите, что произошло между о. Дени и вашим бывшим Экзархом митрополитом Николаем? Почему они разошлись и не могут работать вместе?" Я сказал, что "С владыкой Николаем не только о.Дени, но и никто не мог работать. Он был крайне подозрительный и нервный человек, а

поэтому мы все облегчённо вздохнули и были рады, когда на его место был назначен владыка Антоний". Это было чистой правдой, но, зная о ситуации, мне хотелось подчеркнуть качества владыки Антония и поддержать его. "Почему, ведь он не справляется со своим делом как Экзарх?" - удивился Патриарх. Я ответил, что у него могли быть некоторые административные промахи, не отвечал на письма, не ездил в Париж и т.д., но всё это мы готовы терпеть. Важно, что он хороший пастырь и духовный руководитель, его любят и ценят не только в Англии.

"Да, он хороший приходской батюшка", - ответил Патриарх. Хочу заметить, что при этом разговоре присутствовал и митрополит Николим, он сидел молча и ни во что не вмешивался. Выйдя от Патриарха я понял, что положение архиепископа Антония сильно пошатнулось и решил рассказать ему о разговоре с Патриархом.

Мы встретились с ним только на следующее утро, когда пили чай в его доме, где я остановился вместе с епископом Алексием (Ван дер Менсбрюгге). Неожиданно владыка Антоний произнёс: "Вчера Патриарх предложил мне подать в отставку и просил подготовить моё прошение и подать его". Мы были поражены, хотя после моего вчерашнего разговора с Патриархом можно было этого ожидать. И вот как Владыка Антоний рассказал подробности встречи: "Вчера Патриарх принял меня поздно вечером. Пока я ожидал приёма, ко мне подошёл Даниил Андреевич Остапов (это официально личный секретарь, наследственный лакей в семье Симанских, пресловутая личность, получившая кличку "Даниил всея Руси" или даже "Имже вся быша" прим. А.В.) Он начал подробно расспрашивать, как моё здоровье, не переутомляюсь ли я от дел, справляюсь ли с ними, не тяжелы ли для меня обязанности Экзарха и всё в таком духе". Архиепископ Антоний по скромности, естественно, ответил, что, конечно ему трудно, что он плохо справляется, что здоровье у него слабое... (но это не имело под собой значения об отказе от экзаршества). После этого расспроса Остапов вошёл к Патриарху и сказал ему, что архиепископ Антоний сам признаёт, что не справляется со своими обязанностями и даже ими тяготится! Через несколько минут владыку вызвал Патриарх, который сразу сказал ему: "Я слышал, что Вы не справляетесь со своими обязанностями как Экзарх и тяготитесь ими... предлагаю Вам подать прошение об освобождении Вас от обязанностей Экзарха по состоянию здоровья. Прошу приготовить это прошение к завтрашнему утру и вручить его мне до отъезда из Англии".

"- Я так и сделал. Написал прошение и сейчас иду подавать его Патриарху", - закончил свой рассказ архиепископ Антоний (добавлю ко всему, что в последние дни он был награждён орденом Святого Владимира первой степени, официально - за организацию приёма делегации в Англии, но скорее, чтобы "позолотить пилюлю" отставки).

А протоирей Виталий Боровой, комментируя роль Д.А.Остапова в этом деле, резонно сказал мне: "Роль Остапова, как агента Куроедова и КГБ, в организации и проведении отставки владыки Антония выявилась с полной ясностью и в полный рост. То, чего не захотел сделать митрополит Никодим, успешно проделал Остапов".

Пребывание Патриарха в Лондоне ознаменовалось неприятными и для митрополита Никодима инцидентами.

Дело началось с того, что архиепископ Антоний настоял, чтобы для встречи Патриарха был приглашён среди гостей митрополит Николай (Ерёмин), наш бывший Экзарх. Архиепископу Антонию хотелось "утешить" бывшего Экзарха в его отставке (он ушёл на

покой за полтора года до этого) и вместе с тем дать возможность, как тот сам просил, повидаться с Патриархом и "нажаловаться" на митрополита Никодима. Официально митрополит Николай (Ерёмин) получил приглашение на встречу через архиепископа Кентерберийского Михаила Рамзея. Он считал, что митрополит Николай стал "жертвой гонений" и пригласил его как бы в "пику" владыке Никодиму, которого не выносил, считал его "темной лошадкой", хотя лично не знал.

Столкновения между архиепископом Кентерберийским Михаилом Рамзеем и митрополитом Никодимом начались почти сразу после одного публичного выступления (или пресс-конференции), в котором митрополит Никодим стал говорить о свободе веры в СССР в "пределах конституции" (что означало это осторожное выражение?)

В ответ на выступление митрополита Никодима, архиепископ Михаил Рамзей сказал ему: "Мы не можем требовать от Вас, чтобы Вы публично говорили правду, но Вы не должны говорить явной лжи!" Тут митрополит Никодим вскипел и резко заявил, что он не может позволить, чтобы ему делали такого рода замечания.

В продолжение лондонского визита такие инциденты происходили несколько раз. Как пример, на званом обеде в честь Патриарха, который устраивал архиепископ Кентерберийский Рамзей, Патриарх, естественно, сидел рядом с ним (или напротив него), но зато следующее по почёту место было отдано не митрополиту Никодиму (как полагалось бы!), а бывшему Экзарху, "жертве гонений" митрополиту Николаю. Митрополиту Никодиму было отведено место значительно ниже, рядом с английским послом в Москве. "Мы думали, что митрополиту Никодиму будет интересно и даже полезно для Церкви познакомиться и поговорить с английским послом в Москве. Тем более что тот понимает по-русски", - с наивным видом рассказывали мне впоследствии англикане. "Хотя мы думаем, что это всё "штучки" архиепископа Кентерберийского".

Как бы то ни было, митрополит Никодим смертельно обиделся. Хотя и занял предназначенное ему место, но ничего не ел, мрачно насупился в тарелку и ни с кем не разговаривал. В результате этого случая у митрополита Никодима на долгие годы образовалось враждебное чувство к Англиканской Церкви. Должен сказать, что после ухода на покой архиепископа Кентенберийского Михаила Рамзея и назначения на его место архиепископа Коггена враждебность его к англиканству сильно смягчилась, отношения стали более нормальные, чтобы опять натянуться после введения англиканцами женского священства.

* * *

Почти непосредственно после моего посещения Англии, я был приглашён Моск. Патриархией в Россию, где провёл две недели, с 5-20 октября 1964 года. Это была моя первая поездка после четырёхлетнего перерыва. Официально я был приглашён на вручение мне диплома доктора богословия Ленинградской Духовной Академии за моё издание греческого текста "Огласительных Слов" Преподобного Симеона Нового Богослова. Но как не покажется странным, у меня сложилось впечатление, что после прошения отставки архиепископа Антония, Патриархия искала, кого бы назначить на его место, и захотела посмотреть на меня, насколько я для них подхожу. Чувствуя это, я сделал всё возможное, чтобы провалить мою

собственную кандидатуру. Я совершенно не желал быть Экзархом, а занять место уволенного и популярного владыки Антония тем более; на меня бы все обрушились.

На следующий день приезда в Москву я был приглашён на ужин митрополитом Никодимом на его подмосковную дачу в Серебряном Бору. Большая деревянная дача на одном островке Москва реки, покрытом сосновым лесом. У всей советской верхушки там были дачи и митрополиту Никодиму было разрешено приобрести себе этот дом под предлогом приёма иностранных гостей и важных советских чиновников. Он там жил довольно много. Дом был прекрасно обставлен, хотя в нём постоянно, что-то перестраивалось, ломалось и менялось. На даче было совершенно потрясающее собрание икон! Ничего подобного я никогда не видел.

Меня ожидал сюрприз: П.В.Макарцев, помощник Куроедова по Совету и делам религий (или как он там в то время назывался? Как и у "ЧЕКА", название его менялось, но сущность оставалась прежней)

Я был удивлён неожиданной встречи. Сели ужинать, митрополит Никодим во главе стола, я направо от него, Макарцев налево, напротив меня. Видно было по всему, что он здесь бывает часто и чувствует себя как дома. Говорили, что он с митрополитом Никодимом "на ты", но я этого не заметил. Слышал я и о том, что владыка Никодим спаивает его и тогда добивается уступок для Церкви и разрешения тех или иных вопросов, но насколько это была правда, я не знаю. Впрочем, (...как отступление) это было распространённое явление в Советском Союзе, когда архиереи спаивали уполномоченных, чтобы они лучше относились к Церкви. Таким "методом" особенно пользовался, как говорят, Рижский римо-католический архиепископ. Сейчас, однако, Макарцев оставался всё время трезвым. Перед ужином стали угощать коньяком, я его терпеть не могу и отказался. "Что ж Вы, Владыка Василий, живя за границей. Забываете наши русские традиции?" - как-то язвительно заметил Макарцев. "Какие традиции возразил я, - У нас на Руси было принято перед едой пить водку, а не коньяк". Произошёл переполох, митрополит Никодим распорядился, вопреки моим протестам, принести водку и её сразу принесли из соседней комнаты. Но я категорически отказался пить (не люблю!) В продолжение ужина давали только вино.

Разговор за столом почему-то стал принимать странный оборот, затрагивались "патриотические темы".

Макарцев меня спросил, "Вы прибыли, конечно, на советском самолёте?" "Нет", - ответил я. - "А почему не на нашем?" - "В этот день недели нет самолёта Аэрофлота. Если бы дожидаться следующего, я бы опоздал на празднование в Лавре". - "А Вы бываете в Советском посольстве на наших больших национальных праздниках, Октябрьской Революции и Первого мая? Вас приглашают?" - "Нет, - ответил я, - не бываю, и не приглашают". - "Хотите, мы напишем. Чтобы Вас приглашали?" - оживлённо сказал Макарцев. Но тут в разговор вмешался митрополит Никодим и произнёс: "Владыка Василий, постоянно живёт за границей, и ему не нужно бывать на приёмах в посольстве. Это могло бы только повредить нашей Церкви там, прихожане стали бы смущаться. И не надо писать, чтобы приглашали". "А что, Ваши верующие, вероятно, принадлежат к старой интеллигенции, к эмигрантам?" - спросил ещё Макарцев. "Да, в большинстве это старая русская диаспора ответил я, - но есть и бельгийцы, и французы перешедшие в Православие".

Вот в таких, в сущности, не серьёзных разговорах проходил ужин и я начал недоумевать, почему меня пригласили "на Макаргева". И вдруг митрополит Никодим как-то сосредоточился, задумался, переглянулся с Макаргевыми, помолчав минуту и каким-то серьёзным голосом проговорил, (я сразу почувял, что начинается настоящее дело): "Удивил нас владыка Антоний своим прошением об отставке. Вот уж не ожидали. Чего это ему вздумалось? Он нас огорчил!" Сердце моё так и забилося. Ведь как мы знаем, это всё было не так и неправда. Но в свою очередь я удивился: неужто владыка Никодим так наивен, чтобы полагать, что архиепископ Антоний не рассказал мне о подлинных обстоятельствах его отставки, от кого исходила инициатива, и как всё было "хорошо" обставлено. Нет, митрополит Никодим не был так наивен, с его стороны это был сознательный маневр, чтобы я усвоил и подтвердил официальную версию: добровольную, по собственной инициативе и по состоянию здоровья отставку владыки Антония. "Насколько мне известно, - ответил я, - сам Патриарх предложил архиепископу Антонию подать прошение об освобождении от должности Экзарха. И мы все очень огорчены таким оборотом дела и его уходом". Тут в разговор вмешался Макаргева, и они вместе с митрополитом Никодимом начали критиковать владыку Антония как Экзарха (запустил все дела, не отвечает на письма, идут на него жалобы и т.д.) На что я ответил: "Как мне известно, в Англии все им довольны, да и в Париже не так всё плохо. Мы очень ценим его как человека и Экзарха, гораздо больше, чем его предшественника, митрополита Николая". "- Ну ещё бы, это был казак, ему бы шашкой рубить, а не литургию служить" - сказал Макаргева и засмеялся. "Это не так, - возразил я, - митрополит Николай по физическим недостаткам был освобождён от службы в строю и во время войны был военным чиновником. А поэтому ему никогда не приходилось "рубить". А владыку Антония мы ценим за его пастырские способности и личные качества. Кроме того, он пользуется широкой известностью и популярностью в инославных кругах западного мира. Его увольнение произведёт большой шум на Западе и будет понято как гонение на Церковь". Последний аргумент видимо произвёл впечатление на Макаргева, он задумался и сказал: "Так что же, по Вашему, нужно делать?" На что я ответил: "Очень просто, не принять прошения архиепископа Антония и оставить его на должности Экзарха".

На этом разговор прекратился и на лицах моих собеседников я увидел явное разочарование от моего предложения. Они обманулись в своих ожиданиях и конечно полагали, что я присоединюсь к критике архиепископа Антония, и одобрю его увольнение. Моя защита владыки Антония их разочаровала, а, следовательно, и моя готовность сотрудничать с ними. Словом моя кандидатура отпала сразу и "смотрины" провалились, чему я был только рад!

Как ни странно, последствия нашего ужина окончились для архиепископа Антония совсем благополучно. А именно, заседание Синода, на котором, как я слышал от сопровождавшего меня по Москве священника, где должно было рассматриваться прошение владыки Антония и назначение нового Экзарха, было в последнюю минуту отменено. Через некоторое время он был вызван в Москву, виделся с Куроедовым и Макаргевым и не только не был уволен, но подтверждён в должности Экзарха и возведён в сан Митрополита.

Через два дня после ужина у митрополита Никодима я был на празднике Преподобного Сергия в Лавре. Разговорился во время всенощной в Троицком соборе с одним молодым иеромонахом, имя которого забыл. Ранее он состоял иеродиаконном при митрополите Никодиме. Он мне сказал "Я его любил и уважал за его большие достоинства, но потом мы с

ним совершенно разошлись. Когда я пытался ему рассказывать о бесчисленных случаях притеснения и насилия над верующими, реакция его была всегда одна и та же: Сами виноваты. Дураков бьют! Никогда ни малейшего сочувствия пострадавшим за веру, всегда оправдание и защита гонителей. Верующие, со слов его, всегда сами были виноваты, потому что нарушали советские законы. Или это были обыватели, неспособные охватить всю сложность положения и путь самой Церкви в настоящее время. В конце концов, я не выдержал. Порвал с митрополитом Никодимом и ушёл от него".

Через два дня я переехал в Ленинград на акте Духовной Академии, празднике Святого Апостола Иоанна Богослова. Сам митрополит Никодим вручил мне докторский диплом, облобызался, произнёс прочувственную приветственную речь. Всё прошло необыкновенно торжественно и пышно. На праздник Покрова я уже снова был в Троице-Сергиевой Лавре, где был совершён такой же акт, но со стороны Московской Духовной Академии. Здесь я случайно встретился и разговорился с архиепископом Калужским и Боровским Ермогеном (Голубцовым), вскоре уволенным на покой. Среди других тем я спросил его, какого он мнения о митрополите Никодиме. "Он не наш, - ответил архиепископ Ермоген. - Он служит не Церкви, а государству. Или, в лучшем случае, и тому и другому. Нам таких не нужно. Но всё же он, как ни странно, лучше многих!"

* * *

Едва вернувшись из Москвы в Брюссель, я должен был почти сразу вылететь в Афины, где встретился с митрополитом Никодимом, который как и я прилетел для участия в работе Третьего Всеправославного Совещания на острове Родос (с 1 по 15 ноября 1964 года). С ним прибыл архимандрит Филарет (наш теперешний Экзарх) и епископ Илия, который сейчас стал Грузинский Патриарх. Во время Совещания мы втроём обедали за отдельным столиком и вели оживлённые разговоры. Помню, что на эти дни пришлось празднование октябрьской революции. Так как эти дни попадали на субботу и воскресенье (заседаний в эти дни не было), то Митрополит Никодим решил поехать на эти дни в Афины, на приём в посольство СССР. Он заявил нам о своём намерении во время обеда. "Владыко, не делайте этого, - сказал я ему. - Вас все будут осуждать. Скажут, православный митрополит предпочёл официальный приём, общению со своими братьями. В воскресенье кроме литургии предполагается поездка на пароходике в монастырь на остров Сими, Вам будет интересно и даже полезно для общего дела. Вы сможете пообщаться с участниками Совещания". Владыка Никодим ничего не ответил, но в Афины не поехал, а послал вместо себя одного из переводчиков. Тогда епископ Илия, остроумный по-восточному человек и любящий пошутить, стал иронизировать в присутствии митрополита Никодима и архимандрита Филарета: "Владыко Василий, как разве Вы не едите на праздник октябрьской революции? Это не патриотично! Всякий советский гражданин должен присутствовать на этом празднике". "Но я не советский гражданин", - ответил я. "Как, Вы не советский гражданин? Этого не может быть! И Патриархия это терпит, не требует от Вас принять советское гражданство? Невероятно!" Всё это владыка Илия говорил с явной насмешкой, почти издеваясь над митрополитом Никодимом. Тот всё слушал и произнёс: "Это всё не совсем так, владыка Василий волен, иметь какое он хочет гражданство, нас это не интересует".

Отмечу ещё один эпизод мне запомнившийся. Во время Совещания, в одном из храмов Родоса совершалась всенощная и митрополит Никодим, сослужил и произнёс небольшое, но удачное слово, хотя и не без некоторой советской пропаганды. Стоящий рядом со мной проф. Братиотис (Афинского Богословского факультета) заметил мне, как бы комментируя слово владыки Никодима, но так что его хорошо услышали другие: "Хрущёв знал, кого посылал!"

Нужно сказать, что в представлении греков, Хрущёв слыл либералом и выдающимся человеком (роль его как гонителя Церкви была им не известна). Поэтому слова Братиотиса носили характер похвалы митрополиту Никодиму, т.е. что Хрущёв оценил его выдающиеся способности.

Хочу остановиться ещё на одной подробности Родосского совещания. Я читал в газетах много лет спустя утверждения Августина, митрополита Козанского, Элладской Церкви, который на Родосском совещании сам не присутствовал, будто митрополит Никодим во время этого Совещания целыми днями звонил по телефону "в Кремль". Будто бы он по телефону испрашивал инструкций советского правительства и сообщал о ходе работы. Могу засвидетельствовать, что это сухая не правда. В гостинице на Родосе моя комната находилась рядом с комнатой владыки Никодима и сквозь стену (к сожалению тонкую), я мог невольно слышать каждое слово, когда он говорил довольно громко по телефону с Москвой. Он ни разу не говорил с советскими учреждениями и лицами, а исключительно с Внешним отделом Патриархии и только с духовными лицами. Он подробно рассказывал о ходе работ на Совещании, но никаких инструкций не испрашивал. Скажу, кстати, что представители Константинопольской Патриархии постоянно звонили в Константинополь к Патриарху Афинагору и, что тот даже предписал грекам уступить и согласиться на компромиссное решение. Не говоря, уже о том, что здесь присутствовали многочисленные представители греческого Министерства иностранных дел и что греки, особенно от Элладской Церкви, с ними постоянно совещались, обращаясь за инструкциями. Это я нахожу менее нормальным.

Вспоминаю, как на Родосе мы познакомились с одним греческим политическим деятелем, убеждённым демократом, высказывавшим нам свои, думаю, искренние русофильские, (но отнюдь не советофильские) чувства. Он открыто громил коммунизм, называл его варварскою и титаническою системой. Митрополит Никодим слушал молча и никогда не возражал. Как-то этот господин стал рассказывать о Венизелосе (премьер-министр Греции 1864-1936гг.) и о его столкновениях с королём Константином. И вдруг митрополит Никодим спросил меня: "А кто такой был Венизелос?" Оказывается, он никогда не слышал ни о Венизелосе, ни о Константине. Я был поражён таким пробелом, результатом односторонности советского воспитания и изоляции живущих там людей от внешнего мира.

Чтобы покончить с "политической" стороной Родосского Совещания, скажу ещё, что когда мы уже вернулись в Афины, и я как-то утром выезжал в одной машине с митрополитом Никодимом из гостиницы, нас ожидал сюрприз. При выезде нас поджидала группа в пять-семь здоровенных мужчин, которые, завидев нас, дружно по-солдатски гаркнули: "Ясу, Никодиме!" (что на простонародном греческом языке означает Здравствуй, Никодим). Это была, несомненно, заранее организованная местными коммунистами демонстрация, если только не провокация греческой полиции, желавшей увидеть реакцию митрополита Никодима. Но тот

никак не реагировал, а продолжал неподвижно сидеть в машине и ни один мускул на его лице не дрогнул. Мы никогда не говорили с ним об этом инциденте.

Родосское Совещение было связано со многими передвижениями, как в самом городе, так и в паломнических поездках по окрестностям. Мы ездили с митрополитом Никодимом в одной машине, и это дало мне возможность много с ним беседовать на богословские темы. Хотя мой разговор с ним был скорее своего рода "экзаменом", который я ему делал, он очень охотно беседовал и отвечал на вопросы, которые я ему задавал, и сам он со своей стороны тоже ставил вопросы. В результате этого длинного "экзамена" я могу утверждать, что все враждебные рассказы о владыке Никодиме лиц, как о человеке невежественном в богословии, не знающем богослужения и т.д. не соответствуют действительности. Конечно, владыка был человеком скорее практического ума, нежели богословского. Он не был учёным богословом (тем более глубоким богословом) - ведь именно так в последствии его восхваляли в надгробных речах. Но он, несомненно, обладал солидными и широкими богословскими знаниями, особенно в области богослужения и церковного устава, вполне достаточными для архиерея. А архиерей ведь не профессор, с него нельзя требовать много в области богословия. Могу сказать, что с годами уровень этих знаний у владыки значительно расширился и углубился.

Третье Всеправославное Совещение было самым большим по числу участников из всех православных совещаний такого рода. Главным предметом его работы был вопрос о начале богословского диалога с инославными: римо-католиками, англиканами и старо-католиками. Возникло много трудностей и не согласий. Только после ряда "закулисных" переговоров, дневных и ночных, чуть ли не до утра, удалось их уладить. И опять-таки в сильной степени благодаря упорству, тонкости, дипломатии и главным образом, умеренности митрополита Никодима, всегда думавшего о всеправославном единстве и о необходимости не нарушать его. В результате чего его авторитет во всеправославном масштабе, несомненно, укрепился, да и среди нашей делегации тоже. Так, когда мы по обыкновению обедали за нашими столиками, у нас начался разговор о признании Московской Патриархии греками в конце шестнадцатого века на поместных константинопольских соборах и о предоставлении ей тогда пятого места в ряду православных Патриархов. Митрополит Никодим выразил сожаление, что Московской Патриархии не дали тогда более высокого места, и высказал мнение, что в то время можно было этого добиться. "Этого тогда не сделали, - заметил архимандрит Филарет, - потому что Вас тогда там не было. Вы бы сумели добиться".

И чувствовалось, что он сказал это искренне, а не из лести.

Мне вспоминается здесь другой разговор, хотя он был не на Родосе. Как-то митрополит Никодим выражал мне своё огорчение и удивление, как это старая Россия, не сумела и не успела завоевать Константинополь и водрузить крест на Святой Софии. "Теперь это, к сожалению, не возможно". - "Да, - сказал я - сначала англичане мешали, и Россия не хотела начинать большую войну из-за Константинополя, а потом когда это стало почти возможно, помешала революция".

В чём же, однако, причина той несомненной популярности и авторитета, которым к тому времени митрополит Никодим завоевал в православном мире, в экуменических кругах и вообще на Западе? В самой Русской Церкви, как мы отчасти уже видели, если не его власть,

то его нравственный авторитет был более спорным. Постараемся ответить на этот вопрос по возможности полно и беспристрастно.

Первой и основной причиной влияния митрополита Никодима была его выдающаяся личность человека, несомненно, целеустремлённого и практического ума. Он был натурой сильной воли, тонкого понимания людей, природным вождём. В его личности было нечто гипнотизирующее, и многие поддавались его обаянию. Но это не всё. К этим основным качествам его личности присоединялась создававшаяся вокруг него легенда человека власти, первого по силе в Русской Православной Церкви и пользующегося полной поддержкой советского правительства. Эта власть часто была больше легендой, чем реальностью, но эта легенда действовала на людей. Люди любят пресмыкаться перед сильными или перед теми, кого считают сильными, особенно это распространено на Востоке, в греческом и ещё более арабском православном мире. Наконец, нужно прямо сказать. На многих действовала широко применяемая им система щедрой раздачи подарков. Он возил их за собой всюду, раздавал их направо и налево, располагал крупными денежными средствами, водка, коньяк и "бутерброды с икрой" и дорогие сувениры. И ведь ни один из русских архиереев, выезжавших из СССР за границу, такими средствами не обладал. Конечно всё это было довольно примитивно, но на многих действовало, более импонировало, чем подкупало. Но в самой России популярность митрополита Никодима, как мы уже отчасти видели по отзывам о нём, была значительно меньшей.

Нам пришлось лететь вместе на том же самолёте из Афин до Брюсселя после окончания Родосского совещания. По дороге он разговорился и начал рассказывать о Патриархе Алексии, вернее, жаловаться на трудности с ним: "Мы все жалеем, что патриарх Сергей так скоро умер. Если бы он прожил дольше, он многого бы добился для Церкви. А Патриарх Алексей робкий и равнодушный человек, он аристократ и барин, а поэтому смотрит на Церковь как на свою вотчину. Он считает, что может в ней распоряжаться, как ему вздумается. К архиереям он относится свысока, чуждается их, считает невеждами. Странная вещь, сам же их выбрал, сам их рукоположил, а теперь чуждается их. Свои аристократические связи ставит выше церковных отношений. Вспомните, как он в Лондоне после церковной службы снял себя патриарший крест и дал протоиерею Владимиру Родзянко, долго разговаривал с ним. Там в алтаре, сослужили ему наши заслуженные, старые священники, никого из них Патриарх ничем не наградил и не сказал им ни слова. А протоиерей Родзянко даже в нашей Церкви не состоит. И всё только потому, что дед о. Владимира был соседом отца Патриарха по новгородскому имению. Я был глубоко возмущён!" - закончил свой рассказ митрополит Никодим (который меня немало удивил).

Из отзывов о митрополите Никодиме одним из наиболее верных и интересных я считаю мнение о. Ливерия Воронова, профессора догматики Ленинградской Духовной Академии, несомненно умного и богословски образованного человека, проведшего более десяти лет в лагерях. Он хорошо знал митрополита Никодима. Мы летели с о.Ливерием в последних числах августа 1966 года из Москвы в Белград для участия в Межправославной комиссии по подготовке диалога с англиканами. Как обычно в таких случаях, разговорились, что в советской обстановке бывало очень трудно. О.Ливерий давал о владыке Никодиме вполне положительный отзыв, признавал его способности, его заботы о Духовной академии, его поддержку профессорам, но вдруг заключил: "А всё же скажу Вам, непроницаемый это

человек. Невозможно понять, что в нём!" Я с ним согласился. В Белграде и в других местах Югославии, которые мы посетили о.Ливерий и я, были поражены, насколько положение Церкви там лучше, чем в России. Крестный ход в Белграде с массовым участием детей, смелая речь епископа Василия к народу в монастыре Жича, открывающиеся семинарии и т.д. Особенно поражался о.Ливерий: "У нас это совершенно не мыслимо. Какая разница!"

Через некоторое время мне пришлось побывать в Англии, и в передаче Би-Би-Си по русской службе я рассказывал о моих впечатлениях, о поездке в Югославию. На вопрос: "Вы не раз бывали в СССР, а теперь побывали в Югославии, можете ли Вы сравнить положение Церкви в обеих странах?" - я ответил фразой о.Ливерия, не называя, конечно, его, тем более что это было и моё впечатление: "Громадная разница (в пользу Югославии). Никакого сравнения с СССР. То, что я видел в Югославии, в смысле свободы Церкви, просто немыслимо в современной России". Моё интервью по радио было услышано в Москве и стало известно митрополиту Никодиму.

Когда мы позже, встретились в Париже, он стал меня упрекать, что я, не зная хорошо положения Церкви в России, счёл возможным делать сравнительные оценки. Ему моё выступление по Би-Би-Си, было особенно неприятно, так как я был в Белграде в качестве главы делегации Московской Патриархии. Чтобы опровергнуть упрёк митрополита Никодима, я вынужден был ответить: "Это не только моё впечатление, такое же впечатление вынес и один из членов нашей делегации, приехавший из России. А он-то знает хорошо". "Кто именно?" - спросил митрополит Никодим. Я, конечно, отказался назвать имя, а догадаться было трудно, нас было довольно много тогда. Митрополит Никодим видя моё упорство и не желание называть имён, сразу переменял тактику. "Те, кто делает такое сравнение, упускают из виду основное различие между Югославией и Россией. В Югославии Православие - это, прежде всего быт, национальная традиция, ничем не угрожающая властям, а потому она и терпит такое Православие. А у нас это вера, идеология, мировоззрение, исповедничество даже, отвергающее самые основы строя. Власть наша видит здесь опасность для себя и потому более жёстко относится к Церкви". Должен признать, что ответ митрополита был умным, по-своему, правдивым, но в нём чувствовалось оправдание преследований Церкви. В 1968 году я снова встретился с о.Ливерием в Брюсселе. Он обратился ко мне с упреком: "Зачем Вы передали митрополиту Никодиму, что я сказал Вам в Белграде? Я ничего не боюсь, но мне неохота получать из-за Вас выговоры". - "Я не назвал Вас по имени, у него могли быть только догадки!" - "Да, я и сам заметил, что он точно не знает, кто это сказал", - ответил о. Ливерий. Зачем митрополит Никодим производил расследования и делал "соответствующие выводы"? Мне показалось, что это не красиво. Для о. Ливерия дальнейших неприятностей не последовало, но для меня это был опыт, что митрополиту Никодиму нельзя вполне доверять и быть с ним слишком откровенным.

Но и владыка Никодим не бывал со мною никогда откровенным до конца. Хотя я замечал, что, когда нам приходилось встречаться на Западе, мы более откровенно обсуждали церковные и личные дела, чем в СССР, где что-то нас обоих сдерживало (то ли опасения микрофонов, то ли общий гнёт советской обстановки). Но с годами митрополит Никодим становился всё более открытым. Помню в связи с этим один замечательный разговор с ним в Париже. Это было между 1965-67 годами, мы были в помещении Экзархата одни после ужина. Было около десяти часов вечера, не помню, с чего начался разговор, но, кажется, он

высказывал свои обычные полуистины о положении Церкви в современной России. "Часто обвиняют архиереев в том, что они не противятся закрытию церквей, - продолжал он рассуждать, - но возможности архиереев в этом вопросе очень ограничены, больше зависит от верующих, от их активности. А её часто нету. Вот например, когда я был архиепископом в Ярославской епархии, там тоже началось закрытие церквей, и верующие стали обращаться ко мне за помощью. Я им говорю, подайте прошение, что вы хотите сохранить храм, соберите побольше подписей и тогда я смогу лучше вам помочь. И что ж Вы думаете? Мнутся, жмутся, отнекиваются, и, в конце концов, ни один не подписывает, боятся"

Я стал возражать митрополиту, указывая на ряд конкретных случаев притеснения Церкви внутри страны и причин, по которым прихожане боятся выступать открыто в защиту. "Я тоже могу дать интервью о положении Церкви у нас, которое прогремело бы на весь мир, но я этого не сделаю, потому что это будет не на пользу Церкви, только ей повредит. Более того, я знаю, что могу войти в историю запятанным, и это мне не безразлично, но я готов на это идти ради блага Церкви. Другого пути нет". Так мы с ним разговаривали до трёх часов ночи, когда я сам сказал, что устал и пойду спать. Мне его стало жалко, видимо ему не раз приходила в голову мысль порвать со всем и уйти с "треском", он ведь многое понимал и почти всё видел, что творилось вокруг. Впрочем, это мои предположения, даже в этом ночном разговоре он оставался таким же непроницаемым. Впоследствии он как будто бы пошёл дальше. Вспоминаю, что тогда в западной прессе на него было много нападок за его просоветские высказывания, за неправду о положении Церкви, многие его считали предателем, не доверяли. Я ему об этом сказал. "А Вы-то мне доверяете?" - спросил он с каким-то грустным и жалким выражением глаз. "Да, Владыко, лично я Вам доверяю", - ответил я. Было бы жестоко ответить иначе, да я и не мог сказать, что в основном ему доверяю.

Как-то в Женеве, вероятно в 1969 году, я встретился с секретарём Всемирного Совета Церквей Виссертом Хуфтом. В связи с этим хочу вспомнить эпизод достаточно интересный для характеристики митрополита Никодима и усвоенной им советской привычки говорить ложь без всякой к тому необходимости, не замечая того и не помня обстоятельств и окружения, где она произносилась (публичные высказывания можно было оправдать и по-человечески понять или извинить). Господин Виссерт Хуфт мне рассказал, что когда он был в Одессе в 1964 году на заседаниях Комитета, он с группой других членов ездил в Почаев, где монахи подали ему жалобу на притеснения властей. Через некоторое время я сам оказался в Москве и у меня с митрополитом Никодимом завязался разговор о Почаеве. Митрополит Никодим горячо оспаривал почаевские протесты и говорил мне, что они исходят не от монахов. Тогда я сказал ему: "Виссерт Хуфт сам мне сказал, что они были ему вручены в Почаеве самими монахами, и эти документы он вывез за границу. Зачем ему говорить неправду?" "Не может быть, - ответил митрополит Никодим, - Виссерт Хуфт никогда не был в Почаеве. Участники Одесского совещания, правда, просились посетить Почаев, но им пришлось отказать, так как их было слишком много. Никто из них не был в Почаеве". Уже значительно позже, в 1972 году я встретился в Женеве опять с Виссертом Хуфтом, за ужином мы сидели, рядом и я решил спросить его: "Вы, правда, были в Почаеве в 1964 году после заседания Комитета в Одессе?" "Конечно, был!" - ответил он. "А вот митрополит Никодим утверждает, что никого не пустили и Вы не были". Виссерт Хуфт улыбнулся и сказал: "Митрополит Никодим не может не знать, что все участники заседания просились поехать в монастырь, но разрешили только пятерым, в

том числе и мне. И митрополит Никодим сам нас сопровождал в Почаев. Помню даже, как показывая нам монастырь и вид на местность, он процитировал нам русское стихотворение, что здесь Русь, здесь Русью пахнет. И там же мне монахи вручили свои жалобы, но митрополит Никодим, конечно, этого не видел. Но он не мог забыть о нашем совместном посещении Почаева". Мне трудно, да и излишне, что-либо прибавить к этому рассказу, комментарии тоже излишни. В правдивость Виссера Хуфта я не сомневаюсь, такой факт как посещение Почаева иностранцу выдумать довольно сложно.

* * *

О Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1971 года, когда был избран Патриарх Пимен, и о роли на нём митрополита Никодима я уже подробно писал. В "послесоборный" период, то есть от лета 1971 года до смерти владыки Никодима в Риме 5 сентября 1978 года, мне неоднократно приходилось с ним встречаться. Правда, со времени своего первого инфаркта весной 1973 года он стал сравнительно реже путешествовать, и вынужден был даже уменьшить объём своей деятельности. Он отказался в пользу митрополита Ювеналия от должности председателя Отдела Внешних Церковных сношений, но зато назначение Экзархом Западной Европы поставило его в более тесную связь с нами. О его отставке от должности председателя "иностранного" Отдела я впервые узнал от него в Брюсселе в июне 1973 года, куда он приезжал на какую-то "общественную конференцию по безопасности в Европе", что любопытно он был в составе делегации не по церковной линии. Я не расспрашивал владыку Никодима, что там обсуждалось, всё равно ничего не изменишь, только расстроишься. Но и он меня ни к чему не привлекал. Итак, почти первое, что он мне сказал на аэровокзале, где я его встречал, было то, что он больше не во главе "иностранного" Отдела. "Но, - начал он объяснять с какой-то даже наивностью, - это не нужно понимать, будто бы его "понижили", нет, только перераспределили работу, а он всё равно будет стоять во главе". "Кому же писать по делам?" - спросил я его. "Митрополиту Ювеналию, а в случае чего важного - мне", - был ответ.

Как известно в феврале 1974 года из современной России был выслан Солженицын. Сам факт был возмутителен, но мне и в голову не пришло бы против этого факта протестовать (не архиерейское это дело заступаться за писателя), если бы не одно обстоятельство. У Солженицына и без меня было много защитников, не говоря уже о том, что всяческие протесты против советской власти были совершенно бесполезны. Но меня возмутило до глубины души, что в эту историю неожиданно вмешался митрополит Крутицкий и Коломенский Серафим и "как митрополит Русской Православной Церкви одобрил высылку Солженицына". Поэтому я тоже "как архиепископ Русской Православной Церкви" в телеграмме Патриарху Пимену от 17 февраля выразил своё "глубокое огорчение" поступком митрополита Серафима. Почти одновременно с этими событиями я получил из Московской Патриархии приглашение приехать в Москву. Тут я должен объясниться: в предыдущий мой приезд в октябре 1973 года (с туристической визой на пять дней) я как обыкновенно просил о её продлении. "Продлим, - ответил мне митрополит Никодим, - мировые вопросы разрешаем, неужто этого не решим? Получите продление." Но прошло несколько дней и он со смущением говорит мне: "В продлении визы Вам отказали, едва добился, чтобы её продлили на два дня, а то бы Вам пришлось уехать накануне праздника преподобного Сергия. Но зато мы Вас пригласим в будущем году, тогда никто не сможет сократить Вам срок пребывания здесь. Напомните

только нам об этом в конце года" ...именно это я и сделал. В конце февраля 1974 года получил приглашение (о котором сказал выше) от 20 февраля и поехал в Москву весной, после Пасхи. У меня возник резонный вопрос к себе: когда "иностранный" Отдел посылал мне приглашение, знал ли он о моей телеграмме Патриарху в связи с высылкой Солженицына? Даты переписок почти совпадают, но по ряду соображений полагаю, что ещё не знали. Как бы то ни было, я решил ехать, хотя многие в Брюсселе меня отговаривали и боялись за меня. В советском консульстве мне дали визу на основании приглашения Патриархии без препятствий и без всяких расспросов, хотя о моей телеграмме писали бельгийские и французские газеты.

Я прибыл в Москву 14 мая 1974 года. Был принят митрополитом Ювеналием и Патриархом. Объяснялся с ними по поводу телеграммы о Солженицыне, в общем, всё обошлось благополучно. Но самое длинное объяснение было у меня с митрополитом Никодимом, к которому я поехал по его же приглашению на праздник Святителя Николая (9/22 мая). Начался разговор не сразу, скорее я сам его подвёл к обсуждению о телеграмме. Но потом разговорились и стали кричать друг на друга. В общем, он старался мне доказать, что не следовало вмешиваться в дело Солженицына, на что я отвечал, что первым начал писать митрополит Серафим. "К тому же моё выступление не носило политического характера!" "Нет, - возразил митрополит Никодим, - это был определённый политический антисоветский акт". "А разве это плохо?" - спросил я его. "Я не говорю, что плохо, - ответил Владыка, - но не следовало этого делать!"

На следующий день был праздник святителя Николая, храмовый праздник Николо-Морского собора, все мы служили совместно с прибывшей делегацией иерусалимского Патриархата. После литургии был торжественный обед. Митрополит Никодим сначала приветствовал иерусалимскую делегацию, а потом обратился ко мне, подчёркивая, как он давно со мною знаком, как мы работаем вместе на Всеправославных совещаниях и т.д. Всем общением со мной за этим обедом он явно хотел показать, что, несмотря на возможные разногласия, у нас в основе единство. На это обратили внимание присутствующие.

Такого рода объяснения (столкновениями их назвать было бы слишком резко) мне не раз ещё приходилось иметь с митрополитом Никодимом в связи с моими выступлениями по Би-Би-Си, статьями и заметками в "Русской мысли", в "Вестнике РСХД" под редакцией Н.А.Струве и особенно в связи с моей книгой воспоминаний о моём пребывании в белой армии "Девятнадцатый год". Заранее скажу, что все мои "объяснения" с владыкой закончились благополучно и без всяких серьёзных последствий. Объясняю это в значительной степени умом и даже доброжелательностью ко мне митрополита Никодима.

Касаясь этой темы, хочу вспомнить о, пожалуй, самом интересном разговоре, который у меня случился с митрополитом Никодимом в начале 1976 года в Париже. "Разве я когда-нибудь Вас осуждал или критиковал за Ваши высказывания или статьи? - говорил он. Никогда этого не было! В частности Ваша статья об архиепископе Питириме; за исключением того, что Вы пишете о советском правительстве - я всецело с Вами согласен. Церковь должна стремиться распространять своё влияние на всех людей и не отказываться сама от религиозного воздействия на молодёжь. Относительно Вашего некролога митрополиту Иосифу Алма-Атинскому скажу Вам, что он был моим кандидатом в Патриархи, но это оказалось не возможным".

Далее разговор перешёл на мою книгу "Девятнадцатый год". Митрополит Никодим сказал, - "Вы хорошо пишете, я вполне понимаю Ваши чувства того времени. Но почему Вы избрали темой Ваших воспоминаний именно Белую армию? Почему Вы не написали, как Вы стали монахом на Афоне? Или о Ваших отроческих годах?"

"Я не Лев Толстой, - ответил я, - чтобы писать Детство, Отрочество и Юность, у меня нет такого таланта. А об Афоне я ещё напишу, если Бог даст. Пребывание в Белой армии оставило во мне неизгладимое впечатление, и то, что я видел, имеет исторический интерес". "Нет, Вы хорошо пишете, - продолжал владыка, - но, тогда Вы должны бы Вашу книгу озаглавить "Из воспоминаний". А то, может, создается впечатление, что это Ваш главный интерес. Вы ведь занимаете очень ответственное место. Почему Вы не пишете о святых отцах?" - "И писал, и ещё буду писать. А "Девятнадцатый год" - это небольшой перерыв. Хотелось высказаться. Вот у меня есть ещё статья "Февральские дни в Петрограде в 1917 году", тогда я даже сочувствовал революции..." - "Ну и досочувствовались!" - иронически ответил митрополит Никодим.

Разговор этот происходил вскоре после Ассамблеи Всемирного совета Церквей в Найроби, где впервые некоторые протестантские деятели выступили с протестами против преследований верующих и Церкви в Советском Союзе. У меня была мысль выразить в письме генеральному секретарю ВСЦ пастору Поттеру моё сочувствие этим выступлениям и просить его продолжить эту акцию, но прежде мне хотелось до конца прояснить отношение митрополита Никодима к такого рода протестам. Поэтому, не говоря ничего о моём намерении и держа моё письмо Поттеру в кармане, я сказал митрополиту Никодиму: "Я думаю, что выраженные протесты против притеснений верующих и Церкви в России, как это имело место в Найроби, и вообще обсуждение положения Церкви могут быть только на пользу, не правда ли?" "Да, - ответил митрополит Никодим, - это так, но не от Вашего имени и не прессе. Поверьте, владыка, что здесь найдутся более сильные и влиятельные организации, чем Вы, чтобы этим заняться. Так что Вам нечего беспокоиться". - "Вы имеете в виду Всемирный совет Церквей?" "Да в частности". - "Но их нужно на это толкать". - "Но не от Вашего имени и не в прессе". Для меня всё стало ясно: я понял слова митрополита Никодима как "зелёный свет" и отправил письмо Поттеру.

Особых затруднений с митрополитом Никодимом по изданию нашего "Вестника Западно - Европейского Экзархата" мы не имели, никакой предварительной цензуры или предварительного одобрения его содержания он не требовал. Впрочем, формально ему было бы даже трудно предъявлять такие требования, поскольку он не был Экзархом, им был митрополит Антоний Сурожский, а "Вестник" издавался Экзархом. Разногласия с митрополитом Никодимом по поводу содержания были, он хотел, чтобы "Вестник" был исключительно богословского содержания, а мне хотелось, чтобы сверх этого в нём уделялось место современным церковным вопросам, положению Церкви в современной России и, конечно, не в советском духе. Так, помню, мы поместили в 1963 году вывезенное из России "Открытое письмо б. священнику Дарманскому" священника Желудкова. Мы его напечатали анонимно, так как не знали, кому оно принадлежит. На следующий год я встретился с митрополитом Никодимом в Голландии, и он начал меня упрекать за помещение этого письма. "Вы знаете, кто такой Желудков, потом будете сильно жалеть, что напечатали". Я ответил, что письмо ярко изобличает атеизм в России и живо изображает борьбу безбожников с верою. "Вот

Вы печатаете, а мне по шее попадает", - ответил митрополит Никодим и сделал соответствующий энергичный жест. Против такой аргументации было трудно возражать. После назначения митрополита Никодима на должность Экзарха издание "Вестника" затруднилось, он настаивал, чтобы каждый номер посылался ему предварительно на просмотр. "Это моё право как Экзарха, митрополит Антоний этого не делал, так как он не интересовался "Вестником", а я интересуюсь". В результате я прекратил его редактировать, и он приостановился. В один из своих приездов в Париж митрополит Никодим спросил меня, почему я больше не занимаюсь изданием. Я объяснил ему, что посылать предварительно "Вестник" на просмотр технически не возможно, а главное, что я готов заниматься изданием при одном условии, что в нём не будет никакой "советчины". "Хорошо, её не будет, но и моё условие, - ответил он, - никакой "антисоветчины!" В другой раз, кажется, в связи с моей рецензией на книгу Росслера о Русской Церкви, он мне сказал: "Чего Вы печатаете такие статьи, да ещё под своим именем, ведь это официоз. Печатали бы в другом месте". Я последовал его предложению и стал печатать у Никиты Струве, под собственным именем. А когда меня начали спрашивать, почему, отвечал, что в "нашем Вестнике" нельзя, вот поэтому и печатаюсь в "Вестнике РСХД".

21 февраля 1974 года наш Экзарх, митрополит Антоний Сурожский, подал прошение об освобождении его по состоянию здоровья от должности Экзарха. Так как это прошение было подано всего через три дня после того, как он служил в своём лондонском храме "молебен протеста" о диссидентах в связи с высылкой Солженицына, то в западном обществе его отставка была понята - как будто бы Московская патриархия уволила его за этот "протест". На самом деле это было не так. В отличие от 1964 года, когда владыка Антоний вынужден был подать в отставку, сейчас его прошение было полной неожиданностью для Патриархии. Более того, его отставка была даже нежелательной, та как создавалось впечатление, будто митрополит Антоний пал жертвой репрессий со стороны Патриархии. Митрополит Никодим очень ценил его в качестве Экзарха, как человека пользующегося большой популярностью на Западе. В связи со всем, прошение митрополита Антония было принято Синодом только 5 апреля, а назначение нового Экзарха задержалось аж до 3 сентября.

Помню, как я получил телеграмму о назначении Экзархом митрополита Никодима. И для меня и для всех это было полной неожиданностью! В это время в Брюсселе находился на одной экуменической конференции митрополит Киевский Филарет.

"Назначен новый Экзарх Западной Европы, - говорю я ему - угадайте, кто?" Он начал перечислять ряд имён. Всё было не верно. Когда я ему сказал о назначении митрополита Никодима, он был потрясён: "Вот уж не ожидал, видно, ему самому хотелось быть Экзархом", - сказал он.

Необычность этого назначения усиливалась ещё и тем, что оно было совершено Синодом тогда, когда митрополит Филарет Киевский, постоянный член Синода, был за границей. Было чувство, что хотели воспользоваться его отсутствием или очень уж торопились. Кстати, это не помешало в решении Синода поставить подпись митрополита Филарета. Для нас же назначение митрополита Никодима считалось неправильным так как Экзарх должен быть одним из архиереев Экзархата, а именно Парижским (где центр Экзархата) и жить там постоянно, а не быть "наездным", как митрополит Никодим

(Ленинградским или ещё каким-то). Ничего хорошего из всей этой затеи в результате не получилось. В Париже он смог бывать не чаще, чем владыка Антоний (за что его критиковали), а в Англии и Бельгии так вообще ни разу не побывал в качестве Экзарха. Здоровье его ухудшалось, к этому времени он пережил уже несколько инфарктов, и было безумием себя перегружать новой работой. К сожалению, митрополит Никодим не хотел этого понять, было чувство, что он торопиться всё успеть. В конце концов, он вынужден был просить о назначении себе в заместители епископа Кирилла, что нелепо и антиканонично, ибо Экзарх есть должность личная.

Рассматривая деятельность митрополита Никодима в период, когда он был председателем Отдела внешних сношений, а затем Экзархом, можно отметить ряд серьёзных вопросов, из-за которых у нас возникали трудности и разногласия. Во-первых, это его "советофильские" высказывания. Все его восхваления "Великой Октябрьской" нас глубоко огорчали и как таковые наносили ущерб доброму имени Русской Православной Церкви. Более того, они являлись препятствием к воссоединению отколовшихся от неё частей. То же можно сказать и о так называемой миротворческой деятельности Московской Патриархии, которая до мелочей следовала за всеми изгибами советской внешней политики (вроде борьбы с пресловутой конвергенцией). Когда я возражал, митрополит Никодим мне отвечал: "Оставьте нас действовать у себя, как мы считаем правильным, мы лучше вас знаем, что нужно для Церкви в данный момент". На что я помню отреагировал: "А вы оставьте и нас действовать, как мы понимаем. Мы тоже лучше вас знаем здешнее положение". И я должен сказать, что митрополит Никодим никогда не навязывал нам (на Западе) просоветской линии. Раз только он мне сказал: "Вот Вы всё критикуете пражскую Христианскую Конференцию (ХМыК, как он иронически её называл), Вы бы вошли в неё и действовали в неё как считаете правильным. А то Вы критикуете из вне". "Владыко, - ответил я, - боюсь, что если бы я так сделал, это не пошло бы на благо Русской Церкви". Митрополит Никодим промолчал. А вообще я не считал себя вправе, живя на Западе, судить и осуждать наших иерархов, находящихся в Советском Союзе, за их политические высказывания, если они не затрагивали веры. Судить их можно было по тому, как они правят своими епархиями, как защищают Церковь. По общим отзывам митрополит Никодим за годы своего правления привёл свою Ленинградскую и Новгородскую епархию в хорошее состояние. В последние годы своей жизни митрополит Никодим перестал отрицать наличие преследования веры, в особенности в довоенном периоде (до 1940 г.).

Говоря о современности, пользовался осторожным выражением - Церковь имеет свободу в пределах конституции или ту, которую ей предоставляет конституция страны. Но и это увы, неточно, конституция сама по себе безбожна и постоянно нарушается во вред Церкви. Несравненно более печальны и опасны были попытки как-то с христианской точки зрения идеологически оправдать атеизм и революцию. В этом смысле у митрополита Никодима были в прошлом перегибы. Так в ЖМП была напечатана статья за его подписью, что нужно различать между дурным "буржуазным" атеизмом и добрым революционным и что только первый нужно отвергать. Говорят, что эта статья была написана по заказу митрополита Никодима протоиреем Петром Гнедичем. Он был известный богослов и так скорбел и каялся, что вскоре умер. Сюда же относилось и пресловутое "октябрьское богословие", о котором я уже говорил, то есть, рассматривать октябрьский путч как величайшее событие в истории христианства, какое-то новое откровение Божие, подобное Воплощению (такого рода статья

была напечатана митрополитом Никодимом в ЖМП). Я как-то спрашиваю его: "Владыко, Вы написали, что Воплощение Сына Божия было, конечно, громадным событием, но только с момента "октябрьской революции" оно стало осуществляться в жизни, имело последствия и стало действительностью". Митрополит Никодим чуть не вскочил. "Не может быть! Я не такой дурак, чтобы написать это!" Потом помолчал и добавил: "Да я конечно дурак, но всё же не до такой степени!" Как это нужно было понимать? Забыл ли он то, что писал? Или под его именем напечатали вещи, ему не принадлежащие?

Одно, несомненно, - митрополит Никодим был решительным противником столь модного на Западе в "прогрессивных" католических и протестантских кругах синтеза между христианством и марксизмом, всякого "христианского атеизма", богословия "смерти Бога" и т.д. Диалог между марксизмом и христианством он отвергал, считал его нечестным взаимным обманом. Об этом он открыто говорил на Пятой ассамблее Всемирного совета Церквей в Упсале в 1968 году и во многих других местах на Западе. Нужно сказать, что держаться так твёрдо такой позиции ему было не трудно. Помогало то обстоятельство, что и советская власть настроена тоже против всякого диалога между марксистами и христианами. Вернее, там, где марксисты ещё не у власти, они стоят за диалог с христианами. А там, где они уже захватили власть, они и слышать не хотят ни о каких сравнениях и параллелях. Менее была определена позиция митрополита Никодима по отношению к модному на Западе в экуменических кругах "богословию революции". Во всяком случае, с его ведома и одобрения на разных экуменических встречах (например, в Утрехте в 1972 году и в Упсале в 1968 году) в одной комнате заседали представители нашей Церкви из комиссии "Вера и церковный строй" защищая, традиционные православные богословские и духовные тезисы, а в соседней комнате другие представители нашей же Церкви развивали, совместно с Западными "леваками", революционно-богословские и "освободительные" теории. Два различных духовных мира, а не голос единой Церкви, - вот какое впечатление получалось. Но насколько за это лично ответственен митрополит Никодим, я сказать не могу.

Что многих из нас смущало (как в России, так и на Западе), так это увлечение митрополита Никодима католичеством! Увлечение это было во многом иррациональное, почти патологическое. Началось оно не сразу и с каждым годом всё более развивалось. Думаю, что вначале на него повлиял А.Л.Казем-Бек. Помню как ещё в 1960 году в Москве, в разгар хрущёвского гонения на Церковь, он развивал мне мысль, что нам не нужно искать сближения с ВСЦ (это не серьёзная организация), а вот католики - это другое дело, они нам могут помочь и с ними нужно объединяться. Говорят также, что длинная, в 600 страниц, магистерская диссертация митрополита Никодима в значительной степени была написана Казем-Бекем. Полагаю, что к католицизму митрополита Никодима прежде всего привлекало имевшееся у него представление о нем как о могущественной, строго дисциплинированной единой Церкви. Напрасно мы много раз ему говорили, что такая картина не соответствует современной действительности, что сейчас в католической Церкви дисциплина подорвана хуже, чем в Православии. Говорили ему, что священники служат мессу, как кому вздумается, а богословы отрицают основные догмы веры. Митрополит Никодим ни за что не хотел отрешиться от сложившегося у него убеждения на католицизм! На него действовала внешность. Помню, под Парижем было какое-то богословское протестантское собрание и приём в честь митрополита Никодима. Всё это происходило в "модерной" небольшой часовне и в таком же современном

помещении. Выйдя от туда, мы прошли мимо огромного католического собора. "Это я понимаю!" - сказал митрополит Никодим и прибавил с сожалением: "Жаль, что католики так упорствуют со своей папской непогрешимостью, а то мы вполне бы могли с ними объединиться". Его знание католицизма было тоже скорее дипломатически-экуменическим, чем богословским или духовным. Так, он знал имена большинства кардиналов, знал имена некоторых видных богословов, но работ их при этом не читал. "У меня нет совсем времени что-либо читать", - как-то со смущением признался он мне.

Раз мы с ним посещали Кардинала Сьоненса. Тот спросил его, в чём, по его мнению, главная разница между Православием и Католичеством, что препятствует их воссоединению. "Психологическая, - ответил митрополит Никодим, - то, что они жили отдельно друг от друга и один другого не знали". Кардинал был разочарован.

"Я надеялся, что завяжется богословский разговор, но митрополит Никодим уклонился" - говорил он мне впоследствии. Далее Кардинал спросил митрополита, кого тот больше любит из католических богословов. "Даниелу", - ответил митрополит Никодим. Это была "гафа" (гафой называется неудачное, неловкое высказывание или поступок). "Он не знал, что Даниелу мой публичный враг номер первый", - говорил мне смеясь Кардинал Сьоненс. Впрочем, многие думают, что митрополит Никодим сказал это сознательно, желая подчеркнуть своё разногласие с более "либеральным" направлением Сьоненса и своё предпочтение традиционализму Даниелу. Лично я, очень в этом сомневаюсь, просто он недостаточно разбирался в духовных течениях римо-католицизма. Увлечение католицизмом у него резко усилилось после посещения Рима. Митрополит Никодим был очарован папским и ватиканским приёмом. "Вот это действительно братский приём. Не то, что греки! Те тоже хорошо принимают, но всегда с какой-то задней мыслью, с лукавством. А эти от всей души", - рассказывал он мне впоследствии. Мне тогда вспомнились несколько переиначенные слова Хомякова: "Их сманили, их сгубили Рима гордые сыны".

В Риме митрополит Никодим стал широко, более или менее без разбора причащать католиков за православной литургией. Об этом свидетельствуют рассказы множества очевидцев, хотя сам митрополит Никодим не раз пытался это отрицать, но эта ложь только усугубляла соблазн. Уже постановление Священного Синода от 16 декабря 1969 года о допущении католиков к причастию там, где нет католических церквей, вызвало резкую критику против Русской Православной Церкви среди греков и на Афоне. Но мне удавалось на Всеправославных совещаниях (таких, как Всеправославная комиссия по диалогу с англиканами) защищать доброе имя и Православие Русской Церкви следующей аргументацией: "Это постановление Синода вызвано совсем особым положением верующих и, в частности, католиков в Советском Союзе. Где, как известно, на протяжении тысяч километров нет ни одной католической церкви или священника. В таких случаях им разрешается давать причастие. Такое же постановление вынес константинопольский Синод и Патриарх Иоаким II в 1878 году относительно армян. Богословски мне трудно оправдать такую иконономию, но не могу судить русских иерархов, живущих в современной России, в трудных условиях. Они лучше нас знают, что делают". Такая аргументация всех удовлетворяла, даже на Афоне, но всё разрушало причастие католиков в Риме митрополитом Никодимом. "А там какая "пастырская иконономия" заставляла его причащать католиков, где так много католических храмов?" - спрашивали меня. Единственный ответ, который я мог дать, был: "Ваши архиереи

поступают ещё хуже, когда причащают всех без разбора". "Наши архиереи, такие как архиепископ Иаков Американский или Афинагор Лондонский, есть предатели Православия, это мы знаем давно (ответил мне на Афоне игумен монастыря Григориат архимандрит Георгий). Но что Московская Патриархия, Русская Православная Церковь, которую мы так уважаем за её стойкость в Православии, так поступает в лице митрополита Никодима, эта нас поражает и глубоко огорчает".

Я рассказал эту реакцию митрополиту Никодиму. Он даже рассердился: "Мало ли что говорят на Афоне. Афон не автокефальная Церковь" (может быть и не автокефальная, но имеет большой авторитет во всём мире, подумал я). Но всё же я не могу назвать митрополита Никодима новым "Исидором" (как его назвал один православный архиерей), предавшим Православие на Флорентийском соборе и пытавшимся, в качестве митрополита Киевского, вовлечь в унию Русскую Православную Церковь. Митрополиту Никодиму, может быть, мечталось, чтобы Православие соединить с Римом и русский Патриарх (может быть, в лице его самого - А.В.) занял бы второе место во Вселенской Церкви, но папская непогрешимость и власть над Церковью оставалась для него неприемлемой. Поэтому, несмотря на все увлечения и перегибы, он не был и никогда не мог стать "униатом". Он был слишком для этого умён и не склонен к подобного рода авантюрам.

В своих воспоминаниях о митрополите Никодиме, хочу отметить, что им было совершено два значительных и исторических деяний - это американская автокефалия и возрождение русского монашества на Афоне. Митрополит Никодим потрудился больше всех в деле дарования Московской Патриархией автокефалии тамошней "митрополии", наследнице дореволюционной Североамериканской епархии Русской Церкви, плоду трудов русских миссионеров XVIII-XIX веков с преподобным Германом Аляскиным и святителем Иннокентием Московским во главе, включая и Патриарха Тихона, и в деле преобразования её в Православную Церковь в Америке. Именно ему принадлежит мысль об автокефалии. Ему пришлось много бороться за неё, прежде всего с греками. Они оказались неспособными противопоставить что-либо положительное, творческое и подлинно церковное смелому замыслу владыки Никодима. Ему пришлось бороться также с людьми, неспособными возвыситься над узко-национальными или местными интересами на высоту вселенской канонической правды. Милостью Божией он нашёл в Соединённых Штатах активных сотрудников и компетентных советников в лице достойных священнослужителей, протоиереев (впоследствии протопресвитеров) профессоров Владимирской Духовной Академии, о.Александра Шмемана и о.Иоанна Мейендорфа. Пусть неспособные понять исторический путь Православия иронизируют: "Мы продали Аляску за пятнадцать миллионов долларов, а Русскую Церковь отдали даром!" Для нас ценны и убедительны слова о.Александра Шмемана, который говорил неустанно: "Митрополиту Никодиму мы все в Америке обязаны быть благодарными до гроба!"

Не менее важным в духовном отношении является возрождение почти совсем угасшего русского монашества на Святой Горе Афонской. Русский Пантелеймонов монастырь на Афоне упорно боролся в период между двумя войнами за право русских приезжать на Святую Гору и поступать там монахами в русские обители, монастырь обращался с этой целью в Лигу Наций. После войны этим заинтересовался митрополит Николай (Ярушевич), но только в шестидесятые годы, когда "иностранный" Отдел Патриархии возглавил митрополит Никодим,

вопрос о допущении русских на Афон, был, сдвинут с мёртвой точки и поставлен на реальную почву путём долгих, настойчивых, терпеливых переговоров митрополита Никодима с Вселенским Патриархом Афинагором. Он поддержал шаги митрополита Никодима, за что ему сердечная благодарность от русских людей и греческого правительства. В результате энергичным действиям митрополита Никодима, более чем двадцать монахов (молодых и среднего возраста) получили разрешение приехать из России на Афон и поступить в Русский Пантелеймоновский монастырь. И жизнь в нём, как богослужебная, так и вообще общежительно-монастырская, совсем уже замиравшая, возродилась.

Правда, как говорит пословица, "первый блин комом", и не все прибывшие, особенно вначале, были удачными, но в подавляющем большинстве они оказались добрыми иноками. А главное: отрадно было наблюдать, что духовный, да и бытовой тип русского монаха, несмотря на свыше полувека революционной перетряски, совсем не изменился. Но и образовательный уровень не повысился! Боюсь только, как бы католические увлечения митрополита Никодима не повредили русскому монашеству на Афоне и не создали препятствий к дальнейшему приезду иноков из России. Сам митрополит Никодим, к сожалению, за последнее время, потерял уже свою былую популярность среди греческих афонских монахов.

Однако в самой Русской Православной Церкви католические тенденции митрополита Никодима не встретили большого сочувствия, и большинство архиереев было в этом отношении против него. И в простом народе, эти увлечения католицизмом, митрополита Никодима вызывали тревогу. "Вот мы живём в опасении, - говорили мне верующие в одной из церквей Москвы весной 1978 года, - говорят, будут вводить католичество и менять богослужение". С другой стороны, тоже огромная заслуга митрополита Никодима, что он оставил после себя много последователей. Ему удалось создать немалую группу своих учеников и почитателей, которых он постриг в монашество, рукоположил во иереи и даже довёл до архиерейства. Как их называют теперь - молодых "никодимят". Многие из них искренние почитатели, есть среди них и просто карьеристы, но при его погребении рыдали все. С этим наследством необходимо считаться, так как они представляют собой значительную силу.

* * *

В последний раз я виделся и разговаривал с митрополитом Никодимом в Москве в мае-июне 1978 года на праздниках шестидесятилетия восстановления Патриаршества. Вид у него был болезненный и утомлённый. Он, тем не менее, мужественно председательствовал на собраниях и служил в церквях с не меньшей торжественностью, чем сам Патриарх (с поднесением креста). Сами по себе празднества были малосодержательными и утомительно скучными, кроме богослужений и панихид по усопшим Патриархам Тихону, Сергию и Алексию. Слава Богу, на этот раз Патриарха Тихона не забывали и не опускали! Если исключить доклад Патриарха (в общем удовлетворительный), содержащий кое-какие интересные новые данные, все остальные ораторы говорили не о Русской Церкви и о её жизни за последние 60 лет, а только исключительно... о нейтронной бомбе и необходимости бороться против её изготовления!

При этом ораторы необычайно долго повторяли самих себя и другие выступления, и всё вокруг одной и той же темы. Никто, кроме одного представителя Православной Церкви в

Америке епископа Димитрия, не вспомнил о сонме мучеников и исповедников, пострадавших за это время в Русской Церкви. Так что, как остроумно заметил в частном разговоре архиепископ Владимир (Котляров): "Я бы предписал, чтобы каждый оратор говорил не больше пяти минут... и только о нейтронной бомбе!"

Несмотря на свою перегруженность работами празднества и на усталость, митрополит Никодим принял меня отдельно, и мы с ним беседовали более часа. Я не удержался и сказал, что был огорчён тем, что никто даже не вспомнил о русских мучениках. "Не пришло ещё время", - ответил он. Далее, я ему сказал, как скучны были все эти бесконечные выступления против нейтронной бомбы; с особенным пафосом "распинался" на эту тему митрополит Василий Варшавский и митрополит Досифей Пражский (последний при этом даже комически махал руками). Митрополит Никодим засмеялся и сказал: "Да, действительно, он забавно махал руками", - и сам стал изображать, как тот махал руками. "Интересно бы знать, искренне ли митрополит Досифей это делал?" - сказал я. Митрополит Никодим ничего не ответил, и разговор перешёл на мою работу о Преподобном Симеоне Новом Богослове. Владыка Никодим с большим вниманием и интересом прочитал вслух оглавление моей работы, не сделал со своей стороны никаких возражений и сказал, что одобряет, если эта работа будет напечатана в "Богословских Трудах". Добавлю ещё. Что сам митрополит Никодим, ни с какими докладами на торжествах не выступал и о нейтронной бомбе не говорил.

О том, что митрополит Никодим может внезапно умереть в любой момент, было известно уже давно. Об этом меня предупреждали близкие ему люди в Ленинграде в 1974 году, указывая при этом, что он себя не бережёт, служит ежедневно литургию, хотя и по сокращённому типикону, чрезмерно работает. Архиепископ Кирилл (Гундяев) за несколько месяцев до его смерти говорил мне в Брюсселе: "Если бы митрополит Никодим слушался врачей и берёг себя, он мог бы прожить хоть до ста лет. Но он этого не делает и может каждый день умереть". Тем не менее, его внезапная смерть, настигшая его в Риме, поразила нас всех. Не только потому, что мы привыкли, что он после всех своих инфарктов поправляется, но ещё больше от скорбной обстановки, в которой она произошла. Это случилось в Ватикане, в присутствии Папы, вдали от своей епархии и вообще от православных. Конечно, всякая смерть есть тайна Божия, и является дерзновением судить, почему она случается в тот или иной момент и что она означает, но лично я (и думаю большинство православных) восприняли её как знамение Божие. Может быть, даже как вмешательство Божие, как неодобрение той спешки и увлечения, с которыми проводилось митрополитом дело сближения с Римом. Все его поездки на поклон к Папе, причащения католиков и даже сослужения с ними, и всё это в атмосфере одновременно скрытости и демонстративности. Правы мы были или не правы, - один Бог это может знать. Но таково было наше непосредственное подавляющее православное переживание. Меня всё это наполняло скорбью, тем более что я так долго знал покойного, общался с ним, любил его и ценил его труды на благо Церкви.

Мы совершили по нём в день погребения торжественную панихиду в нашем брюссельском соборе Святителя Николая, за которой молилось множества народа (католические "нотабли", однако не пришли и не прислали своих представителей, хотя мы поместили объявление в газетах). Молились все искренне и с умилением о упокоении души новопреставленного. Во время панихиды, когда я стоял посреди церкви, а протодиакон произносил ектенью, я почувствовал, что кто-то меня тронул сзади за левое плечо. Я быстро

обернулся, но никого не было... у меня было ясное ощущение, что это митрополит Никодим!
Прикосновение было дружественное.

На похороны его в Ленинград я, однако, не поехал. Отчасти оттого, что без меня трудно было бы устроить такую торжественную панихиду у нас в Брюсселе, а я считал это важным. И потом я не хотел участвовать в "надгробных" пересудах о покойном и становиться на ту или иную сторону по отношению к нему или к его будущему приемнику. Не хотел так же быть зачисленным ни в число "никодимят", ни "анти-никодимят". И скажу прямо, что-то противилось во мне тому, чтобы принять участие в его похоронах, - недоговорённость ли в наших личных отношениях, его "октябрьские" высказывания, католические ли увлечения? Отожествлять себя всецело с его линией я не мог. По его кончине я послал телеграммы соболезнования Патриарху Пимену и митрополиту Ювеналию, в которых писал: "Сердечное соболезнование скорбной кончиной патриаршего Экзарха Западной Европы митрополита Никодима. Господь Бог да воздаст ему за его великие труды на благо Церкви и да будет ему милостивым Судией. Вечная память! Молимся о упокоении его души".

Брюссель, 7 ноября 1978 года